

ЖУРНАЛ «ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-42625 от 11 ноября 2010 г.

Учредитель журнала:

Ярославский государственный технический университет

Журнал издается с 2011 года, выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гордеев В.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Родина Г.А. (Ярославль, Россия)

Члены редакционной коллегии

Алиев У.Ж. (Астана, Казахстан)

Бабаев Б.Д. (Иваново, Россия)

Лемещенко П.С. (Минск, Беларусь)

Малахова Н.Б. (Харьков, Украина)

Корняков В.И. (Ярославль, Россия)

Ответственный секретарь

Туманов Д.В. (Ярославль, Россия)

Адрес редакции:

150023, г. Ярославль, Московский проспект, 88, Г-333

Телефон: (4852) 44-12-50

Сайт: www.theoreticaleconomy.info

e-mail: vagordeev@rambler.ru

Содержание

РУБРИКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гордеев В.А. Бог троицу любит! 4

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Алиев У.Ж. Методология построения общей предметной модели научной дисциплины (к обоснованию теоретической экономики) 7

МОДЕРНИЗАЦИЯ: ТЕОРЕТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Бондырева И.Б. Взаимодействие вузов и предприятий по подготовке кадров для инновационного развития 19

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ В ЯРОСЛАВЛЕ

Родина Г.А. Фиаско рынка vs фиаско государства: кто кого? 26

Садыков Т.У. Взаимовлияние рынка и государства в современных условиях 33

Усик Н.И. Общая институциональная модель развития экономики России 36

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Ананьев А.А. Кредитные отношения в воспроизводственном контексте проблемы долга 42

РЕЦЕНЗИИ

Фомина Э.Г. Рецензия на монографию Терентьева М.А. Диалектика содержания и формы социалистического уклада всемирного хозяйства 51

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО-ЭКОНОМИСТА

Фомина Э.Г. Краткий очерк научной деятельности В.И. Пефтиева (ретроспекция) 53

ПРЕСС-РЕЛИЗ

Обсуждение смыслов развития на родине Первого Совета 55

ISSN 2221-3260

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3 2011

www.theoreticaleconomy.info

БОГ ТРОИЦУ ЛЮБИТ!

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор. Ярославский государственный технический университет, заведующий кафедрой экономической теории
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vagordeev@rambler.ru

Так, известно, гласит русская народная поговорка. Это и про нас: два номера вышло как увертюра, как предисловие. Два, как скажут специалисты, – это ещё нерепрезентативно. А вот третья встреча с Вами, уважаемый читатель, – это, согласитесь, совсем другое дело, это почти заявка на закономерность, на начало системы нашей с Вами совместной работы.

Как Вы помните, мы выступили уже в первом номере нашего журнала с началом изложения своей принципиально новой методологической концепции теоретической экономики. Наиболее полно это было отражено в статьях членов редакционной коллегии профессоров У.Ж. Алиева «Что такое и почему именно теоретическая экономика?» и П.С. Лемещенко «Теоретическая экономика: истоки, предмет, методология». Во втором номере в рубрике «Модернизация: теоретико-экономический аспект» – мы предложили Вашему вниманию работу профессора У.Ж. Алиева «К общей теории типологии, истории модернизации». Её содержание мы считаем логическим продолжением и развитием нашей концепции теоретической экономики применительно к «модернизационной» теме. Вопреки широко распространенным стереотипам навязываемого нам представления о модернизации только по западному образцу, обрекающему Россию и ближнее зарубежье на догоняющий тип развития, профессор Алиев обстоятельно и достаточно аргументированно показывает, что исторически человечество знало разные виды модернизаций: как совершаемых в гармонии хозяйства, самого человека и окружающей его природы, так и противоречащих природе, человеку и хозяйству. Что уже с неолита человечество «сбилось» с правильного пути, ошиблось в выборе, соблазнившись тем вариантом, который и обернулся, в конце концов, сегодняшним безумием постмодерна. Почему, кстати, сегодня, говоря о смыслах начала третьего тысячелетия, мы и вынуждены обращаться к проблеме исправления имен.

Кроме того, в первых двух номерах в главной рубрике «Актуальные проблемы теоретической экономики» мы начали знакомить читателей с работой В.И. Корнякова «Экономика и разум». В плане «исправления имен» он убедительно показывает, что только в нормативно-желательном смысле экономика и разум соединяются союзом «и», а в позитивно-реальном смысле такого соединения, к сожалению, нет. Разумно, видимо, было у наших далеких предков в их ведении хозяйства, а сегодняшняя экономика постмодерна по сути своей безумна, наполнена симулякрами, копиями без подлинников, отчего смыслы начала третьего тысячелетия и невозможны без исправления имен.

Пользуясь случаем, выражаем сердечную благодарность коллегам-ученым, которые прислали нам поздравления с выходом первых двух номеров нашего журнала и слова поддержки заявленной нами концепции, а также цели нашего журнала – передачи знаний и опыта, накопленного мировым сообществом, научными школами и отдельными учеными в области теоретической экономики, выработки новых теоретико-экономических знаний, имеющих практическую значимость для социально-экономического развития России и других стран.

Особую значимость для нас имеют письма коллег по Академии философии хозяйства. Нам

очень «душу греет» такая, например, эмоциональная и доброжелательная записка из Пятигорска от профессора Сергея Семеновича Слепакова: «Сердечно поздравляю с наступлением весны, ознаменованном таким радостным и значимым событием – выходом в глобальную «паутину» прекраснейшего, интереснейшего журнала с отважным капитаном на мостике – настоящим «морским волком» в научном море. Сергей Слепаков». Или такое недавно поступившее по электронной почте письмо от вице-президента нашей Академии философии хозяйства, директора института и заведующего кафедрой мировой экономики и внешнеэкономических связей Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону), доктора экономических наук, профессора Алексея Юрьевича Архипова: «Уважаемый Валерий Александрович! Спасибо за журнал. Буду рекомендовать его своим коллегам, в обозримом будущем постараюсь сам подготовить материал для журнала. Всего доброго, А.Ю. Архипов».

Конечно, диалектика и объективность обязывают нас ожидать не только комплиментов и поздравлений, но и Вашей критики, уважаемый коллега-читатель.

В сегодняшнем третьем номере мы в рубрике «Актуальные проблемы теоретической экономики» представляем Вашему вниманию начало статьи У.Ж. Алиева «Методология построения общей предметной модели научной дисциплины (к обоснованию теоретической экономики)», обращенную к общепhilософским, методологическим аспектам науковедения, которые «расподробнивают» нашу заявку на концепцию теоретической экономики, предложенную в предыдущих номерах журнала.

Рубрика «Модернизация: теоретико-экономический аспект» данного номера содержит статью доцента кафедры экономической теории ЯГТУ, докторанта И.Б. Бондыревой «Взаимодействие вузов и предприятий по подготовке кадров для инновационного развития». В ней отмечается необходимость развития интеграционных форм, объединяющих потенциал образовательных и производственных структур, формирования эффективных экономических отношений между предприятиями и вузами, повышение роли государства в кадровом обеспечении инновационной деятельности.

В рубрике «Международный круглый стол в Ярославле» мы предлагаем Вам выступления трех участников международной научной конференции – круглого стола по теме «Воздействие институтов рынка на государственное регулирование экономики». Во-первых, это статья хозяйки-председателя данного заседания круглого стола Г.А. Родиной «Фиаско рынка vs фиаско государства: кто кого?». Во-вторых, доклад «Взаимовлияние рынка и государства в современных условиях», с которым выступил в Ярославле, не побоявшись немалых расстояний, Туртубек Умутканович Садыков, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва (г. Астана, Казахстан). Впрочем, дорогу из Астаны в Ярославль ещё годом раньше освоил У.Ж. Алиев, прибыв тогда в качестве докладчика в Ярославский государственный технический университет, к тому же было это в сорокаградусный мороз. Профессора Садыкова Ярославль встретил уже вполне нормальной погодой. И, в-третьих (но это не по значимости очередность), со статьей «Общая институциональная модель развития экономики России» выступает наш давний друг Нина Ивановна Усик, с которой нас связывают научные связи по причине близости предмета исследования, – доктор экономических наук, заместитель декана по научной работе факультета экономики и экологического менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета низкотемпературных и пищевых технологий.

В рубрике «Творчество молодых исследователей» мы предлагаем Вашему вниманию статью аспиранта кафедры экономической теории Ярославского государственного технического университета Ананьева Андрея Александровича «Кредитные отношения в воспроизводственном контексте проблемы долга». Она посвящена анализу кредита и кредитных отношений как

категории, связывающей проблематику долга и общественного воспроизводства. Автор рассматривает развитие ссудных отношений от ростовщичества эпохи простого товарного хозяйства до современного финансового капитализма. Большое внимание уделяется также раскрытию действующих тенденций, влияющих на дальнейшее преобразование кредитных отношений.

Рубрика «Рецензии» представляет отзыв кандидата экономических наук, доцента кафедры экономической теории Ярославского государственного технического университета Фоминой Эльвиры Георгиевны на монографию профессора М.А. Терентьева «Диалектика содержания и формы социалистического уклада всемирного хозяйства» (Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. – 331с.), который много лет возглавлял родственную нам кафедру экономической теории в Ярославском государственном педагогическом университете им. К.Д. Ушинского.

А в рубрике «Юбилей ученого-экономиста» в связи с 75-летним юбилеем доктора экономических наук, профессора кафедры экономической теории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского Владимира Ильича Педтиева содержится материал Э.Г. Фоминой «Краткий очерк научной деятельности В.И. Педтиева (ретроспекция)». Редколлегия нашего журнала поздравляет юбиляра, желает ему крепкого здоровья и новых творческих успехов!

С уважением,

В.А. Гордеев

МЕТОДОЛОГИЯ ПОСТРОЕНИЯ ОБЩЕЙ ПРЕДМЕТНОЙ МОДЕЛИ НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ (К ОБОСНОВАНИЮ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ)

Алиев Урак Жолмурзаевич

доктор экономических наук, профессор. Образовательная корпорация «Туран»
вице-президент, действительный член (академик) Академии философии хозяйства
г. Астана, Казахстан. E-mail: turpost@list.ru

Аннотация. В данной статье представлены различные понятия, элементы, которые характеризуют научную дисциплину в разных ее аспектах. Рассмотрена содержательная характеристика каждой из сторон научной дисциплины в их полилектическом единстве, которые с помощью системы понятий и категорий, образующей целостную дисциплинарную модель науки.

Ключевые слова: предмет; субъект; метод; знание; структура

Код УДК: 330.101

Annotation. The article presents different concepts and elements that characterize the scientific discipline in its various aspects. The author also reveals conceptual characteristics of each aspect of the discipline in their polilectical unity, which form an integrated disciplinary model of science by means of the system of concepts and categories.

Keywords: object; subject; method; knowledge; structure

Итак, какова методология разработки общей теории предмета науки существующей ли, становящейся ли через построение категориального строя научной дисциплины, который позволит в обобщенном виде наглядно представить абстрактно-всеобщую структуру науки в дисциплинарном выражении?

В литературе изучаются различные понятия, элементы, которые так или иначе характеризуют научную дисциплину в разных ее аспектах. Но в то же время отсутствует ее **системно-полилектическая** характеристика, которая предполагает: «Чтобы действительно знать предмет (в данном случае научную дисциплину как таковую. – У.А.), надо охватить все его стороны, все связи и опосредствования. Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостерегает нас от ошибок и омертвления» [1, с. 290]. «Содержание развитого научного знания, – пишет М.И.Баканидзе, – требует особой формы систематического выражения, отражающей историко-генетическую закономерность становления системы исследуемых объектов. При таком способе

развития содержания множество изучаемых наукой объектов принимает определенную, соответствующую способу их бытия (и развития) логическую форму систематического выражения» [2, с. 52]. Иначе говоря, задача сводится к выработке соответствующей «предметному бытию» научной дисциплины как целостности системы категорий, выражающей все существенные его стороны, связи и отношения. Именно такой категориальный строй мышления, адекватно выражающий «живое предметное движение» науки в дисциплинарной форме, и дает искомое знание о ней. Дело в том, что «знание тогда становится подлинной наукой, когда начинают обнаруживаться связи между соответствующими понятиями, т.е. когда знание начинает функционировать как система понятий», система категорий [3, с. 49].

Необходимость построения общей дисциплинарной модели науки путем разработки категориального строя научной дисциплины обусловлена еще и тем, что представителями той или иной дисциплины, как правило, нечетко проводятся различия между понятиями, с помощью которых раскрываются атрибуты науки, не раскрывается внутренняя структура каждой из них, не исследуется богатая их «собственная» жизнь, не говоря уже о приведении их в систему, что объективно затрудняет выяснение **предметной специфики** отдельных дисциплин с вытекающими отсюда негативными последствиями.

Таким образом, содержательная характеристика каждой из сторон научной дисциплины в полилектическом их единстве с помощью системы понятий и категорий, образующей целостную дисциплинарную модель науки, и составляет абстрактно-всеобщий **статус** научной дисциплины как таковой. И когда этот абстрактно-всеобщий статус наполняется сложившимися оценками и восприятиями какой-либо конкретной науки как представителями ее самой, так и других наук и организаций, определяющих научную политику, он приобретает статус данной конкретной научной дисциплины.

При раскрытии и обосновании **логики** категориального строя науки следует исходить из того, что такое понятие, как «ПРЕДМЕТ», выступает стержневым, базовым понятием, характеризующим бытие научной дисциплины. Более того, **«предмет» как понятие выступает как «исходным, так и конечным пунктом» всего категориального строя научной дисциплины.** Отсюда разработка категориального строя науки равносильна построению **общей теории предмета научной дисциплины.**

Под **«предметом науки»** предварительно подразумевается некоторая материальная или идеальная вещь (процесс, явление, связь, отношение и т.д.), к которой и относится данное **искомое знание.** Но «предмет», как правило, находится в некотором объекте и должен быть вычленен, «выловлен», «вышелушен» и подвергнут специальной познавательной операции субъектом познания.

«Главный недостаток всего предшествующего материализма, включая фейербаховский, заключается в том, что **предмет**¹, действительность, чувственность берутся только в форме объекта созерцания, а не как человеческая чувственная **деятельность, практика, не субъективно**» [4, с. 1]. Другое положение: «При теоретическом методе **субъект**, общество должны постоянно витать перед нашим представлением как **предпосылка**, и что вообще во всякой исторической или социальной науке... как в действительности, так и в голове дан **субъект...**»², и что он «также для науки возникает отнюдь не только тогда, когда о нем как таковом впервые заходит речь» [5, с. 732]. Отсюда происходит своеобразный процесс «бифуркации», т.е. единый предмет в процессе своего развертывания (движения) как бы «раздваивается» на субъект и объект познания. **«Предмет» является продуктом взаимодействия субъекта и объекта, продуктом «воздействия» субъекта на объект**, а потому и **исходным** понятием всего категориального строя науки (общей дисциплинарной модели науки) выступает ее **субъект.**

¹ Слова «предмет», «не субъективно» курсивом взяты мной. – У.А.

² Подчеркнуто мной. – У.А.

СУБЪЕКТ выступает исходным элементом общей дисциплинарной модели науки еще и потому, что, хотя познавательным делом занимается любой человек любого возраста произвольно (неспециально) и в любой ситуации, научным же исследованием занимаются люди лишь с определенного возраста при наличии хотя бы начального профессионального образования, причем занимаются специально, селективно и с определенной целью.

В **общенаучном** плане субъектом науки выступают различные научные сообщества (научные коллективы) и отдельные индивиды, профессиональная деятельность которых связана главным образом с производством новых знаний.

Субъект научной дисциплины **по критерию «единицы измерения»** подразделяется на два вида: **научное сообщество**, (научный коллектив) и **научный работник**³. В свою очередь, научный коллектив бывает формального типа (академия наук, университеты, институты, отделения, секторы, лаборатории, кафедры, временные научные коллективы, ВАК (ГАС, ДАНК), научные редакции и др.) и неформального типа («незримые колледжи», «самодеятельные группы», «научные школы», клубы, семинары и другие инициативные образования)⁴. И отдельный научный работник может быть как формального (быть членом определенной официальной научной структуры в форме «ученые в организациях»), так и неформального типа (не занятый в официальной научной структуре).

Нам представляется, что одной из причин слабой отдачи отечественного научного корпуса является неразработанность проблемы субъекта каждой научной дисциплины и науки в целом. В этой связи следует особо подчеркнуть, что для наращивания научного потенциала России и Казахстана в целом и повышения его эффективности необходим цикл специальных исследований проблемы субъекта науки вообще, той или иной системы, классов наук в частности, каждой конкретной научной дисциплины в особенности.

«**ОБЪЕКТ**» – следующее за «субъектом» ключевое понятие в категориальном строе научной дисциплины. Под объектом науки понимается фрагмент, срез, сторона, «кусочек» реальной действительности, на которые направлена познавательная, вернее, исследовательская деятельность субъекта науки.

Объект научной дисциплины – это вещи, явления, процессы реальной действительности, с которыми взаимодействуют субъекты науки в познавательной, исследовательской деятельности. Отсюда **«объект» выступает продуктом взаимодействия субъекта и объективной реальности и как таковой не существует вне субъекта.**

Познающий субъект имеет дело с различными объектами или, вернее, обращается с объектами с различной целью, в одном случае – как собственно «объект познания», в другом – как «объект изучения», в третьем – как «объект исследования», в четвертом – как «объект знания».

«**Объект познания**» – более широкое понятие, выходящее далеко за рамки собственно объекта научной дисциплины, так как люди всех возрастов и положений, согласно теории социализации личности, по существу, заняты всю жизнь (даже начиная с эмбрионального состояния) познавательным процессом, хотя он может происходить и произвольно (неспециально).

Понятие же «**объект изучения**» больше относится к процессу непосредственного обучения, который связан с усвоением обучающимися ранее установленных научных знаний и истин, закономерностей вещей и явлений и не носит строго исследовательского характера.

³ Понятие «научное сообщество» ввел впервые австрийский химик и социолог Майкл Полани (1891-1976).

⁴ Термин «университет» был употреблен впервые в кодексе Феодосия II по отношению к высшей Константинопольской школе в 425 г., хотя подлинные университеты учебно-исследовательского типа были организованы намного позже: в странах арабского Востока – в IX веке, а в Европе – в середине XII века [6].

Понятие «**объект исследования**» применимо к собственно научной, исследовательской деятельности определенных научных сообществ и научных работников, которая специально и целенаправленно связана с производством нового знания или упорядочением старого знания (что, в принципе, есть тоже новое знание).

Надо особо отметить, что с определенного периода в нашей стране потеряно былое единство объекта исследования и объекта изучения, что привело к разрыву единого **исследовательского** и **учебного** процесса даже в самых крупных университетах, не говоря уже о рядовых учебных заведениях бывшего СССР и постсоветских государств, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями, которые проявляются, прежде всего, в растрате накопленного интеллектуального генофонда и низком качестве подготовки специалистов в вузах.

В этой связи наметившийся в России и Казахстане процесс передачи некоторых академических и отраслевых научно-исследовательских институтов государственным университетам, с одной стороны, и создания исследовательских институтов при государственных и крупных частных университетах (например, Институт системных исследований казахстанского общества при университете «Туран», г. Алматы) – с другой, есть, по сути, процесс «воссоединения» объекта изучения и объекта исследования как единого целого.

От объекта исследования и объекта изучения следует отличать понятие «**объект знания**», которое обозначает те объективные события, ситуации, процессы, вещи, отношения, к которым и относится само знание, вернее, *искомое* знание. Так, хотя объектом исследования для физики элементарных частиц является нитевидный туманный трек, оставляемый элементарной частицей, проскочившей через камеру Вильсона, объектом же знания выступает собственно сама частица, ее строение и поведение. Для уфологов «следы», оставляемые НЛО, выступают объектом исследования, но тем не менее объектом знания являются сами НЛО, их природа, строение, поведение (если они есть). Точно так же, хотя народное хозяйство, регион, отрасль, фирма и другие хозяйственные образования выступают объектом исследования экономиста-теоретика (свидетельством чего является указание на них как на «объекты исследования» в авторефератах диссертаций), они не являются собственно объектом искомым знаний, которым являются экономические отношения людей, персонифицированные в этих различных звеньях народного хозяйства.

Таким образом, «**объект исследования**» есть то, на что *направлена* исследовательская деятельность субъекта, тогда как «**объект знания**» есть то, что *отыскивается* субъектом в этом объекте исследования, *что именно* изучается в конечном счете данной научной дисциплиной. Отсюда «объект знания» есть не что иное, как собственно **ПРЕДМЕТ** науки (дисциплины) в узком смысле слова. Кроме того, это очень важно, «*предмет*» науки есть *результат, продукт взаимодействия субъекта и объекта научной дисциплины, т.е. их диалектическое единство*, и выступает *стержневым* понятием всей дисциплинарной модели науки. И не случайно, когда говорят о «предмете», подразумевают ту или иную науку, дисциплину в целом. Именно это обстоятельство позволяет диссертанту ввести в научный оборот выражение, понятие «**предметная модель науки**».

Итак, когда речь идет о **предмете** научной дисциплины в узком смысле слова, то имеется в виду следующее: **а)** предмет – это то, что в объекте; **б)** предмет – это то, что скрыто в объекте; **в)** предмет – это определенный аспект, срез, фрагмент, «кусочек» объекта; **г)** предмет – это объект, изучаемый субъектом под определенным «углом зрения», т.е. форма целенаправленности познания; **д)** предмет – это то, что «отыскивается» в объекте; **е)** предмет – это то, что действительно познается в объекте; **ж)** предмет – это признак дифференциации наук.

Из данного понимания полилектически субъекта, объекта и предмета научной дисциплины

вытекают следующие **выводы**: **во-первых**, объект выступает продуктом взаимодействия субъекта и объективной реальности, а предмет – продуктом взаимодействия субъекта и самого объекта; **во-вторых**, объект и предмет научной дисциплины – не одно и то же: качественно и количественно («объемно») они не совпадают; **в-третьих**, объект дан субъекту в общем и целом непосредственно, «зримо», чувственно, тогда как предмет скрыт, завуалирован, «спрятан» от его взора, т.е. представляет собой нечто таинственное, чувственное и «сверхчувственное»; **в-четвертых**, процесс исследования как исторически, так и логически осуществляется от субъекта к объекту, от объекта к предмету, от предмета снова к объекту, от объекта к субъекту и – новый виток исследовательского процесса; **в-пятых**, определенный **объект** может выступать **общим** объектом множества наук, но **предмет** одной научной дисциплины **не может** являться одновременно предметом других наук, а может выступать для них лишь **объектом**; **в-шестых**, наука в лице ее субъекта, отыскивая «скрытое» в объекте, то, что в нем, то, что «за ним», определенный его аспект, срез, фрагмент, «кусочек», притом строго под определенным «углом зрения», с определенной целью, и приобретает свое **собственное предметное самоопределение**, т.е. то, что позволяет отличать данную дисциплину от всех других. Например, **ЧЕЛОВЕКА** как **объект** исследования изучают около 200 наук, но каждая из них имеет свой срез, аспект, «угол зрения» в этом объекте, т.е. **собственный предмет исследования**, свою «предметную специализацию», позволяющие четко отличать их друг от друга. Этот научный факт ставит под сомнение создание **единой** науки, **предметом** которой был бы сам человек, хотя бы в сколько-нибудь обозримой перспективе, что усиленно стали обсуждать в последнее время. Человека в качестве предмета изучает пока только философия.

Общий вывод из приведенного рассуждения таков: подобно тому, как объект не существует отдельно от субъекта и объективной реальности, точно так же предмет не существует отдельно от объекта и субъекта, является результатом и «продуктом» их диалектического взаимодействия.

Предмет научной дисциплины, в свою очередь, необходимо конкретизировать в «содержательно-пространственных» и «содержательно-временных» его характеристиках. «**Содержательно-пространственная**» характеристика предмета науки раскрывается в понятии «предметная область» отдельного исследования. «**Предметная область**» обладает двумя чертами: **во-первых**, она формируется и формулируется в рамках исключительно предмета данной науки (поэтому-то она называется «предметной областью») и не носит междисциплинарного характера, **во-вторых**, она предполагает, в свою очередь, некоторый интервал («коридор свободы»), в пределах которого и осуществляется данное исследование.

От понятия «предметная область», которая формируется, формулируется и изучается лишь в рамках предмета данной дисциплины, следует отличать понятие «**исследовательская область**», которая может формироваться и формулироваться как в пределах данной науки, так и на стыке двух или более научных дисциплин (пограничная исследовательская область). При этом и «предмет», и «предметная область» отдельно взятой науки, и «исследовательская область» могут изучаться как одной, так и множеством наук, но в одном случае – в качестве **собственно предмета** (предметной области), а в другом – в качестве **объекта** (исследовательской области). Например, распределительные (перераспределительные) отношения как момент экономических отношений есть предмет теоретической экономики. И выяснение собственно теоретико-экономической природы распределительных отношений выступает «предметной областью» данной науки. Но эти же отношения выступают «исследовательской областью», как только их начинают изучать не только экономисты, но и правоведы, социологи, политики и другие специалисты. В этой связи некоторые исследователи выделяют такое понятие, как «**аспект исследования**», или «поле зрения», под которым подразумевают определенную сторону самого изучаемого предмета (предметной области) и то, под каким углом зрения он изучается. Таким образом, «содержательно-пространственную» характеристику дисциплины следует понимать как «**содержательно-предметную границу**» данной дисциплины.

Предмет научной дисциплины позволяет очертить и «содержательно-временную» ее характеристику в виде «историко-предметной границы» науки, что является важным условием классификации наук в историческом срезе. При этом выяснение содержательно-предметной границы (содержательной границы) данной научной дисциплины лежит в основе определения историко-предметной границы (исторической границы) науки, т.е. условий возникновения, становления, развития и отмирания (если это имеет место) данной науки, а иногда ее превращения в новую научную дисциплину. Структурную характеристику предмета научной дисциплины наглядно можно представить следующим образом (рис. 1).

Предмет любой научной дисциплины, как известно, многогранен, многоаспектен, многоуровнен, а потому он определенным образом должен быть исследован и представлен **целостно**. Но поскольку целостное изучение и изображение предмета невозможно простым перечислением и описанием его бесконечных свойств, признаков и граней, постольку и возникает вопрос о методе, способе целостного отображения богатства предметного содержания научной дисциплины. Отсюда «МЕТОД» есть следующее ключевое понятие всего категориального строя науки и одновременно важнейший элемент общей дисциплинарной модели науки.

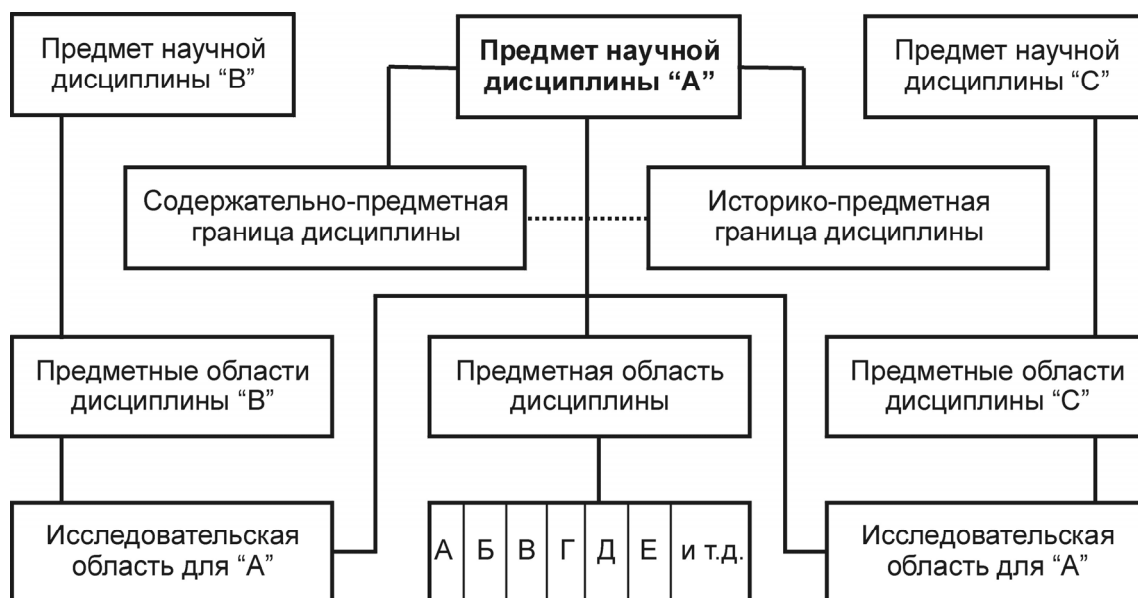

Рис. 1. Структура предмета научной дисциплины

Метод есть, по определению Гегеля, «осознание формы внутреннего самодвижения ее содержания», т.е. метод – «инобытие» предмета, и на поверхности явления выступает как способ постижения, способ освоения предмета субъектом. Отсюда **метод есть результат диалектического взаимодействия субъекта и предмета** [7, с. 107]. В то же время метод не есть чисто внешняя рефлексия предмета, а вырастает определенно из самого своего предмета, так как сам этот метод есть имманентный признак и душа предмета [8, с. 295]. Это значит, что **метод по своей природе содержателен**, поскольку в пределе он сводится к предмету, и что субъект, в конечном счете, не волен в выборе познавательных процедур, которые определяются самой спецификой природы исследуемого предмета.

Разумеется, в начальной стадии исследования предмет выступает перед взором субъекта науки неким нерасчлененным целым, в наиболее абстрактном виде. Соответственно этому субъект может

первоначально использовать ранее им усвоенный или не совсем адекватный природе изучаемого предмета метод. Но в дальнейшем, по мере содержательного освоения предмета, первоначальный образ метода изменяется – из абстрактного, одностороннего, неполного и неадекватного предмету он постепенно превращается в полный, конкретный, адекватный и обогащенный реальным содержанием и свойством исследуемого предмета метод познания. Таким образом, происходит динамичное **превращение метода в логику самого предмета, а потом превращение предмета в метод**. Следовательно, метод действительно совпадает с предметом, но в содержательном плане, а не по своей форме. «По форме он совпадает со структурой теоретического мышления» [9, с. 194].

Использование субъектом метода, не соответствующего природе и содержанию предмета, – крайний случай **неадекватности предмета и метода науки и научного исследования**, что чревато негативными последствиями, и прежде всего неадекватностью получаемых результатов и характеристик предмета. Поэтому каждая научная дисциплина, каждый субъект научной деятельности в рамках своей же науки должны разрабатывать метод, адекватно отражающий предмет, и, по крайней мере, существенно развивать ранее имеющиеся методы, а также творчески использовать методы других наук с учетом специфики содержательного освоения данного предмета. В этом плане следует подчеркнуть, что **развитие и обогащение метода идет по линии асимптотического его приближения к своему предметному бытию**, которое тоже не стоит на месте, изменяется, развивается, являясь некоторым **пределом** для саморазвития метода данной науки.

В процессе содержательного освоения предмета научной дисциплины метод не выступает самостоятельным объектом или предметом исследования. В качестве такового метод выступает, как правило, в специальных исследованиях, целью которых является развитие самих методов исследования и получение собственно **методологического знания** в отличие от **предметного знания**. «Если знания раскрывают природу объекта (либо предмета. – У.А.) познания, то они являются предметными, теоретическими; если характеризуют подход, путь к познанию объекта, то они относятся к методологическим» [10, с. 18].

Разумеется, нельзя возводить «китайскую стену» между **предметным и методологическим знаниями**: первое есть диалектически «снятое» второе, а второе, в свою очередь, есть положительное развертывание первого, и всякий истинный метод, как правило, «выводится» из предмета и в то же время реализуется, «угасает» в самом противоречиво развертывающемся предметном содержании объекта.

Предметное и методологическое знания получают свое продолжение, дополнение и конкретизацию в так называемом **методическом знании**. Если методологическое знание выражается в исследовательских принципах и общих подходах к сложному объекту, предмету, проблеме, то методическое знание – в конкретных способах, приемах, формах, средствах, рекомендациях по исследованию и изучению данного объекта, предмета, проблемы в определенной сложившейся ситуации.

Предметное, методологическое и методическое знания получают логическую завершенность в особом **технологическом знании**, которое, применительно к социальным системам и процессам, получает в последнее время относительно самостоятельный статус. Получило право гражданства и соответствующее понятие – «социальная технология», «социальная инженерия», «социальное проектирование» наряду с промышленной (технология металлообработки, машиностроения, строительства, химическая технология и т.д.), «симбиозной» (например, биотехнология).

Технологическое знание представляет собой конкретный способ реализации предметного, методологического и методического знаний (при обработке объекта, предмета) путем расчленения их на систему последовательных во времени и пространстве, взаимосвязанных как по линии

субординации, так и координации процедур, нормативов, схем, алгоритмов, сценариев и операций, которые выполняются субъектом в более или менее схожих ситуациях для достижения высокой эффективности и конечных результатов.

Технологическое знание в социальных системах в большей степени развито в театральном и киноискусстве, живописи и скульптуре, разведке и контрразведке. Кстати, само понятие «технология» в первоначальном смысле означало мастерство, искусство, умение делать искусные вещи и связанные с этим знания. Нам представляется, что при наличии известных предметных, методологических и методических знаний, которыми мы порой располагаем, одной из существенных причин низкой эффективности социальных процессов и программ – научных исследований, освоения достижений науки и техники в производстве, управления персоналом, коллективом, обществом, а также системы воспитания, образования, обучения, в том числе преподавания учебных дисциплин, и т.д. и т.п. – является далеко не развитая система технологического знания применительно к каждому социальному явлению, процессу и случаю [3, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18].

Предметное знание в общем и целом представляет собой **знание-описание** и/или **знание-объяснение** предмета исследования (т.е. позитивное знание), тогда как методологическое, методическое, технологическое знания в единстве образуют главным образом **знание-предписание** (нормативное знание), хотя с различной степенью абстрактности⁵.

Таким образом, метод научной дисциплины, или **научный метод**, в самом широком смысле (в единстве методологического, методического, технологического знаний) раскрывает некоторую **линию «научного» действия** субъекта, его особенности, связанные с получением нового знания или уточнением содержания наличного знания о предмете. Другими словами, если **объект есть продукт диалектического взаимодействия субъекта и объективной реальности, предмет – субъекта и объекта, то метод – субъекта и предмета**. И его истинное назначение и цель – это обеспечить объективный познавательный подход к предмету исследования, адекватно отражающий его природу: генезис, структуру, содержание и функции.

Научный метод позволяет субъекту науки овладевать предметом, раскрывая его внутреннюю структуру. Отсюда: **а) «СТРУКТУРА ПРЕДМЕТА»** научной дисциплины (предмета, рассматриваемого в узком смысле слова) выступает следующим ключевым понятием общей дисциплинарной модели науки; **б) «структура предмета» есть продукт диалектического взаимодействия субъекта, предмета и метода науки**.

Структурность – неотъемлемая внутренняя черта любого объекта и предмета. Предмет обладает не просто признаком структурности, но и многоструктурности. Следовательно, задача состоит в том, чтобы раскрыть каждую из этих структур, предварительно положив в основу их выделения вполне определенные критерии членения единого предмета научной дисциплины. В зависимости от цели и задач исследования могут меняться и критерии членения (структуризации) единого предмета, хотя они в конечном счете определяются самой природой предмета, следовательно, могут меняться и границы, и значение каждой из этих структур и подструктур. При этом методологически неверно противопоставлять их друг другу, так как каждая из структур и подструктур предмета занимает вполне определенное место и имеет право на существование в единой системе предмета научной дисциплины.

Вместе с тем выявление **многоаспектной структуры** предмета научной дисциплины есть хотя необходимый, но все же **промежуточный** этап исследования. Это объясняется тем, что целью подлинного исследования является установление, воспроизведение и природы предмета (исходя из

⁵ **Описание-знание**, дающее информацию о единичных, неповторимых, уникальных феноменах, в данном случае – это **внешняя** характеристика определенного предмета. **Объяснение-знание** – это знание о всеобщих законах множества схожих факторов, многогранно повторяющихся феноменах различных эпох и «географий», т.е. это знание о **внутренней** характеристике предмета.

некоторого интегрального системообразующего критерия или признака), по отношению к которой все другие «блоки» – «субструктуры» выступают как внутренние её моменты.

История развития любой науки характеризуется чередованием многоаспектного анализа, целью которого является выяснение различных структур (полиструктур, субструктур) исследуемого предмета, моноструктурным их синтезом и созданием **единой «научной картины»** изучаемого предмета и от нее – снова в направлении многоаспектности. Так, многовековой процесс развития физических исследований последовательно получил отражение в различных физических картинах мира: механической, электродинамической, релятивистской, квантово-механической; в химии – в учении о составе, учении о структурной химии, учении о химическом процессе, учении об эволюционной химии; в биологии – в концепции «божественного создания» всех живых, концепции эволюции и «географического детерминизма» Ибн-Хальдуна, теории эволюции и принципе естественного отбора Дарвина, теории распространения видов Н.Вавилова, современной теории сальтационизма и неокатастроф. Социально-классовая структура общества могла быть установлена лишь тогда, когда в качестве системообразующего критерия К.Марксом были взяты материальные производственные отношения людей, сердцевиной которых выступают отношения собственности (по крайней мере, в рамках формационного принципа периодизации истории человеческого общества). В этой связи прав Н.В.Овчинников: «Явление считается понятием, если найдена его структура» [19, с. 111]. Лишь добавлю: если найдена не просто структура, а **интегрально-монистическая структура** предмета как - полилектический синтез различных частных его структур.

Таким образом, в интересующем нас аспекте речь, по существу, идет о разработке и создании **ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ ПРЕДМЕТА НАУКИ**, которая охватывает и описывает собственно предмет как стержневой элемент дисциплины, т.е. предмет научной дисциплины в узком смысле слова. Результатом частной теории предмета является **частная (локальная) предметная модель** науки в отличие от **ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРЕДМЕТА**

НАУКИ, результатом которой является **общая (интегральная) предметная модель научной дисциплины**, или то же самое, что **общая дисциплинарная теория науки**, о чем идёт речь в данной работе, но применительно к теоретической экономике.

Каков методологический подход к обоснованию частной теории предмета научной дисциплины? Предварительным условием «структуризации» предмета науки в целом и той или иной научной дисциплины как системы является прежде всего **определение (уточнение) самого ее предмета как такового**, которое требует ответа на вопрос: «Что является предметом данной науки (дисциплины)?» Не вдаваясь в подробности, лишь отмечу, что многие научные дисциплины еще не добились однозначного определения своего предмета (с учетом возможной трансформации самого предмета), свидетельством чего являются усилившиеся время от времени попытки выяснить этот вопрос в различных научных монографиях, статьях, дискуссиях [20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35].

После того как однозначно будет определен **предмет** данной научной дисциплины, необходимо выяснить реальное «ядро» самого предмета, т.е. **«предметное ядро»** (по выражению П.В.Алексеева), и изучить его собственную структуру, подобно тому как «элемент» в химии, «атом» в физике, «клетка» в биологии, «информация» в кибернетике, «число» в математике и т.д.

Далее, это очень важно, создание **частной теории предмета** или **локальной предметной модели** любой научной дисциплины предполагает предварительное выяснение различных относительно самостоятельных **аспектов** или **уровней** существования самого предмета и соответствующее их отражение в логике понятий (законов и категорий) данной науки.

Первый структурный аспект (уровень) частной теории предмета (локальной предметной модели) – это предмет науки, существующий и функционирующий в реальной действительности

безотносительно к тому, познали мы его или нет, а значит, и к конкретным формам его отражения в различных «рефлексивных системах». В данном случае имеется в виду та **реальность** (ее свойства, связи, отношения) в той мере, в какой она выступает собственным предметом некоторой научной дисциплины, например, элементарные частицы, объективно существовавшие всегда, но только впоследствии ставшие предметом физики элементарных частиц; химические элементы и процессы как предмет химии; общественные отношения людей как предмет социологии (обществоведения). Таким образом, когда речь идет о предмете научной дисциплины как реальности, то имеется в виду **«предмет-оригинал»**, существующий как действительность безотносительно к конкретным формам его отражения и фиксации в логике понятий.

Отсюда задача субъекта науки состоит в том, чтобы вскрыть внутреннюю сущность и субординированную структуру предмета-оригинала соответствующим образом и отразить в собственно научной системе, которая и есть «преобразованный» с учетом закономерностей научного познания реальный предмет. Иначе говоря, необходимо видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к внутреннему, действительному движению. Результатом этой «операции» является образование **«научной модели предмета»** безотносительно к тому, в каких конкретных целях будет использоваться полученное в ходе научного исследования «предметное знание». **Научная модель предмета как «предмет-посредник», «предмет-образ», «предмет-смысл» есть второй (производный) структурный аспект частной теории предмета науки.**

Реальный предмет (предмет-оригинал) и его теоретическое отражение – научная модель, совпадая в главном и существенном, могут не совпадать в деталях, частностях. Ведь «...то и другое, понятие о вещи и ее действительность движутся вместе подобно двум асимптотам, постоянно приближаясь друг к другу, однако никогда не совпадая» [36]. В связи с этим следует отметить, что когда речь идет о реальном предмете дисциплины, то иногда с некоторой степенью абстрактности и условности мы имеем в виду ее «научную модель предмета», наиболее адекватно отражающую предмет-оригинал по сравнению с другими рефлексивными системами. **Третий структурный аспект частной теории предмета** – это **прикладная модель предмета**, т.е. когда полученные научные знания о предмете – научная модель предмета – используются для решения определенных прикладных задач (например, организация, управление, идеология, образование). В связи с этим предмет научной дисциплины должен быть представлен также в соответствующей структуре, т.е. в форме, пригодной для практической реализации. Здесь собственно предметное знание преобразуется и «оформляется» в более конкретные виды методологического, методического, технологического знаний (принципы, концепции, модели, программы, рекомендации, правила, инструкции, сценарии, схемы и т.д.), направленные на совершенствование практики функционирования различных технических, естественных и социальных систем и структур. О различных видах прикладной модели предмета речь пойдет в следующей статье.

Продолжение в следующих номерах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: пер. с 5-го рус. изд. / В.И. Ленин. – Алма-Ата: Казахстан. – Т. 42: Ноябрь 1920-март 1921. – Алма-Ата: Казахстан, 1981. – XXIV, 673 с.
2. Баканидзе М.И. Проблема субординации логических форм / М.И. Баканидзе; АН Каз. ССР, Ин-т философии и права. – Алма-Ата: Наука, 1968. – 215 с.
3. Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология: пер. с болгар. / Н. Стефанов; предисл. и общ. ред. В.Г. Шорина. – М.: Прогресс, 1976. – 256 с.

4. Маркс К. Избранные сочинения: [перевод] / К. Маркс, Ф. Энгельс; Ин-т истории партии при ЦК КП Казахстана - фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Алма-Ата: Казахстан, 1987.
5. Маркс К. Сочинения: [в 30 т.] / К. Маркс; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Госполитиздат, 1958. – Т. 12. – XXIV, 879 с.
6. Липатникова Г.И. Вступительная статья (предисловие) / Г.И. Липатникова // Документы по истории университетов Европы XII–XV вв. / Воронежский государственный педагогический институт; пер. Г.И. Липатниковой. – Воронеж, 1973.
7. Гегель Г. Наука логики: [в 3 т.]: пер. с нем. / Георг Вильгельм Фридрих Гегель; [автор вступ. ст. М.М. Розенталь]. – М.: Мысль, 1970–1972. – Т. 1: Учение о бытии. – 1970. – 501 с.
8. Гегель Г. Наука логики : [в 3 т.]: пер. с нем. / Георг Вильгельм Фридрих Гегель; [автор вступ. ст. М.М. Розенталь]. – М.: Мысль, 1970–1972. – Т. 3: Учение о понятии. – 1972. – 374 с.
9. Кумпф Ф. Диалектическая логика. Основные принципы и проблемы [Электронный ресурс] / Ф. Кумпф, З. Оруджев. – М.: Политиздат, 1979. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/104700>. – Дата доступа: 08.04.2011.
10. Суслов И.П. Методология экономического исследования / И.П. Суслов. – М.: Экономика, 1983. – 215 с.
11. Янч Э. Прогнозирование научно-технического прогресса: пер. с англ. / Э. Янч; общ. ред. и предисл. Д.М. Гвишиани. – М.: Прогресс, 1974. – 586 с.
12. Арстанов М.Ж. Проблемно-модельное обучение: вопросы теории и технологии: пробл. изуч. в вузе / М.Ж. Арстанов, П.И. Пидкасистый, Ж.С. Хайдаров. – Алма-Ата: Мектеп, 1980. – 207 с.
13. Марков М. Технология и эффективность социального управления: пер. с болг. / Марко Марков; под ред. и с предисл. Т.В. Керимовой. – М.: Прогресс, 1982. – 267 с.
14. Войчинский А.М. Организационно-технологический базис и научно-технический прогресс: [учеб. пособие для экон. спец. вузов] / А.М. Войчинский О.Т. Лебедев, М.А. Юделевич. – М.: Высшая школа, 1991. – 190 с.
15. Васильева И.Н. Экономические основы технологического развития: учеб. пособие для экон. спец. вузов / И.Н. Васильева. – М.: Банки и биржи, ЮНИТИ, 1995. – 158 с.
16. Мировые образовательные технологии: основные тенденции, проблемы адаптации и эффективность: материалы республиканской научно-методической конференции, 25-26 апреля 1997 г. – Алматы: Университет «Туран», 1997. – 348 с.
17. Современные индивидуальные образовательные технологии: опыт, обобщение, адаптация // Материалы республиканской научно-методической конференции, 24-25 апреля. – Алматы: Университет «Туран», 1998.
18. Телемтаев М.М. Системная технология: (системная философия деятельности) / М.М. Телемтаев. – Алматы: СТ-Инфосервис, 1999. – 334 с.
19. Системные исследования: ежегодник / Акад. наук СССР, Ин-т истории естествознания и техники. – М.: Наука, 1969. – 203 с.
20. Мукитанов Н.К. Методологические проблемы теоретизации географии / Н.К. Мукитанов. – Алма-Ата: Наука, 1979. – 187 с.
21. Желнов М.В. Предмет философии в истории философии. Предыстория / М.В. Желнов. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 720 с.

22. Предмет и структура общественных наук: [сб. ст.] / МГУ им. М.В. Ломоносова, Секция методол. пробл. обществ. наук Совета МГУ по группе гуманит. фак.; под ред. П.А. Рачкова, В.С. Манешина. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 189 с.
23. Кедров Б.М. Классификация наук. Прогноз К. Маркса о науке будущего / Б.М. Кедров. – М.: Мысль, 1985. – 543 с.
24. Философско-методологические проблемы науки / А.Н. Нысанбаев [и др.]; АН КазССР, Респ. совет филос. (методол.) семинаров при президиуме АН КазССР [и др.]; отв. ред. А.Н. Нысанбаев. – Алма-Ата: Наука, 1986. – 220 с.
25. Кузнецов В.И. Общая химия: тенденции развития / В.И. Кузнецов. – М.: Высшая школа, 1989. – 288 с.
26. Логико-гносеологический анализ науки / Ж. М. Абдильдин [и др.]; отв. ред. Ж.М. Абдильдин, А.Н. Нысанбаев; АН КазССР, Ин-т философии и права. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – 491 с.
27. Аубакиров Д.А. Систематизация полувекового предмета кибернетики на стыке двух тысячелетий / Д.А. Аубакиров, Г.Д.-Улы Аубакиров // Вестник Евразийского университета. – 1997. – № 3. – С. 145–154.
28. Экономическая теория на пороге XXI века: [сб. ст.] / Акад. гуманитар. наук, Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Центр обществ. наук, Экон. фак.; под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. – 415 с.
29. Экономическая теория в XXI веке – 1(8): Экономика постмодерна / под ред. Ю.М. Осипова, О.В. Иншакова, Е.С. Зотовой. – М.: Экономистъ, 2004. – 749 с.
30. Экономическая теория в XXI веке – 2(9): Национальное и глобальное в экономике: в 2 т. / под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Чекмарева, Е.С. Зотовой. – М.: Экономистъ, 2004. – Т. 1. – 576 с.; Т. 2. – 512 с.
31. Экономическая теория в XXI веке – 3(10): Проблемы пореформенной экономики / под ред. Ю. Осипова, В. Сизова, Е. Зотовой. – М.: Экономистъ, 2005. – 384 с.
32. Экономическая теория в XXI веке – 4(11): Институты экономики / под ред. Ю. Осипова, В. Сизова, Е. Зотовой. – М.: Экономистъ, 2006. – 432 с.
33. Экономическая теория в XXI веке – 5(12). Национальная экономика и социум / под ред. Ю. Осипова, В. Сизова, Е. Зотовой. – М.: Магистр, 2007. – 637 с.
34. Экономическая теория в XXI веке – 6(13): Деньги / под ред. Ю. Осипова, В. Сизова, Е. Зотовой. – М.: Магистр, 2007. – 343 с.
35. Экономическая теория в XXI веке – 7(14): Инновационная экономика / под ред. Ю.М. Осипова [и др.]. – М.; Краснодар: КубГУ, 2008. – 537 с.
36. Маркс К. Сочинения / Карл Маркс, Фридрих Энгельс. – М.: Прогресс. – Т. 39: 1852-1855. – 1982. – XXXVI, 764 с.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВУЗОВ И ПРЕДПРИЯТИЙ ПО ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Бондырева Ирина Борисовна

кандидат экономических наук, доцент. Ярославский государственный технический университет,
кафедра «Экономика и управление»
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: info@ystu.ru

Аннотация. В представленной статье отмечается необходимость развития интеграционных форм, объединяющих потенциал образовательных и производственных структур, формирования эффективных экономических отношений между предприятиями и вузами, повышение роли государства в кадровом обеспечении инновационной деятельности.

Ключевые слова: предприятие; воспроизводство кадров; экономические интересы; формы взаимодействия; целевая подготовка кадров; образовательные проекты

Код УДК: 378.14

Annotation. The article is about the necessity of the development of integration forms that unite the potential of educational and production structures, the necessity of the formation of effective economic relations between enterprises and institutes of higher education, the necessity of the increasing state participation in providing personnel for innovative activity.

Keywords: enterprise; reproduction of staff; economic interests; forms of cooperation; training of staff; educational projects

В период модернизации экономики России актуальной проблемой является совершенствование системы подготовки кадров с высшим профессиональным образованием. Современное развитие экономики требует перестроения системы образования. Это объясняется, во-первых, тем, что необходимо восстанавливать материальное производство, которое требует в условиях научно-технического прогресса новых знаний и навыков; во-вторых, нужно ликвидировать диспропорции в территориальном развитии и уменьшить отток жителей с периферии и, в-третьих, обязательным условием разностороннего и масштабного перестроения страны является развитие инфраструктуры (дорог, транспорта, связи, коммуникаций и т.д.), связанное с тем же оттоком жителей из сельской местности.

Современная научно-техническая революция значительно изменила материально-технические условия производства и жизни. Важным следствием научно-технического прогресса является глубокое изменение в структуре, содержании и характере запаса знаний, навыков рабочей силы. В условиях усложнения технологий и расширения объема научно-технической информации, которая должна использоваться в процессах массового производства продукции, значение сферы образования в развитии производства существенно повышается. Пока промышленность

использовала неквалифицированный труд, система образования была слабо связана с производством. По своей сути подготовка инженеров, техников и квалифицированных рабочих не носила организованного характера. Как правило, она осуществлялась на самом предприятии в процессе производства. Положение изменилось, когда организация производства стала невозможным без использования высококвалифицированной рабочей силы. В России в эпоху индустриализации при крупных промышленных предприятиях были созданы базовые профессиональные училища, техникумы, втузы. Прорывы в науке, производстве, культуре были созданы благодаря строго централизованной государственной системе образования. В период перестройки систему попытались усовершенствовать. Был введен, например, такой механизм, как целевая подготовка специалистов на основе договоров с соответствующими министерствами и ведомствами. Но задуманные нововведения до конца осуществить не удалось.

Современная ситуация на рынке труда предъявляет серьезные требования к подготовке кадров в системе высшего профессионального образования. Все более востребованными становятся компетентные выпускники ВУЗов, способные эффективно работать в новых динамически изменяющихся социально-экономических условиях. В процессе их подготовки главенствующую роль приобретает ориентация на личность и компетентность, позволяющая существенно сократить период освоения профессии и повысить конкурентоспособность.

При переходе к инновационному развитию экономики обеспечение новых требований к кадровому потенциалу становится ключевым направлением воспроизводства работников с высшим образованием. Среди этих требований можно выделить, на наш взгляд, основные: компетентность, адаптивность, мобильность и инновационность.

Отличие компетентного специалиста от квалифицированного заключается в том, что первый не только обладает определенными знаниями, умениями и навыками, но и способен реализовать и постоянно реализует их в работе.

Компетентный специалист способен выходить за рамки предмета своей профессии, обладает творческим потенциалом саморазвития. Он несет самостоятельную ответственность за принятое решение, определяет цели, исходя из собственных ценностных ориентаций.

Компетентность предполагает наличие у человека внутренней мотивации к качественному осуществлению своей профессиональной деятельности, присутствие профессиональных ценностей и отношение к своей работе как к ценности. Любая модель компетенций останется нежизненной без сильного желания специалиста преуспеть и его стремления идти к намеченной цели, невзирая на субъективные и объективные сложности. Поэтому основной задачей системы образования является формирование у студентов самомотивации, что позволит им в дальнейшем максимально раскрыть индивидуальные способности и претендовать на достойную занятость.

Адаптивность – это способность человека быстро приспособиться к изменяющимся внешним условиям, новой ситуации и требованиям. Речь идет о гибкости, выносливости, умении выполнять задания достаточно быстро, но не опережая время, действуя по обстановке.

Под мобильностью понимается способность гражданина к перемене его трудовых функций по форме, содержанию и местоприложению на основе сознательного выбора и условий для его реализации. Перемена труда может осуществляться во времени, в пространстве, а также во времени и в пространстве одновременно.

Закон перемены труда, введенный в научный оборот К. Марксом в первом томе «Капитала», устанавливает объективную, непрерывно усиливающуюся зависимость между уровнем развития производительных сил, с одной стороны, и функциями работников, общественными комбинациями процесса труда – с другой [1, с. 498-499]. Этот закон вступает в полную силу на стадии крупной

крупной промышленности и, по мере развития индустриального, а затем и постиндустриального общества, заявляет о себе все более мощно.

Сегодня действие закона перемены труда проявляется как в вертикальной, так и в горизонтальной профессиональной мобильности. При этом условия российской экономической жизни в последние годы были таковы, что, наряду с восходящей мобильностью, проявлялись довольно сильные тенденции к мобильности нисходящей.

Инновационность – это способность к усовершенствованиям, созданию нового в своей профессии, пусть даже в малых масштабах (новый метод, прием и т.д.), обладание навыками участия в проектных мероприятиях. Развитие инновационности происходит в пространстве всей мировой цивилизации, при этом решающая роль в этом процессе принадлежит высшему образованию, которое имеет возможность создать предпосылки для того, чтобы личность, ориентируясь на образцы, нашла свое место, научилась преобразовывать традиции, видеть перспективу.

Основные факторы, обуславливающие значимость инновационной деятельности и развитие инновационности в образовании достаточно подробно изложены в монографии наших соседей, ученых из Костромы В.В. Чекмарева и Ю.В. Беляевой, посвященной исследованию закономерностей развития экономического потенциала и инновационной активности образовательных систем [2, с. 83-104]. Однако, в связи с развитием инновационности, следует обратить внимание и на тот факт, что в ходе реформ в нашей стране произошли большие потери в целях и ценностях, которые вкладываются в массовое сознание. В студенческой среде постепенно проявляются негативные тенденции: складывается утилитарный тип мышления, невостребованные творческие способности в условиях культа потребления постепенно угасают, торжествует идеология индивидуализма, отрицающая высокие достижения человеческого интеллекта и соответственно сам дух инновационности.

И это происходит в тот период, когда Россия стала активно включаться в глобализационные процессы, а руководство страны выступило с рядом инициатив, рассматривая стимулирование инновационной деятельности как важное средство активизации здоровых источников экономического роста. Полнее реализовать свои возможности, повысить качество жизни возможно только при условии, если люди умеют встроиться в те требования, которые выдвигает интернационализация социально-экономических отношений.

С одной стороны, приведенные выше требования можно рассматривать в рамках нормативной экономики по принципу «как должно быть», но вместе с тем они фиксируют императивы реальной жизни, в которой все сильнее просматриваются черты постиндустриального общества.

Большое влияние на выравнивание социально-экономического положения регионов оказывает местоположение вузов, поскольку сохраняется тенденция оттока наиболее квалифицированной части специалистов в регионы с более высоким уровнем жизни.

Межрегиональная «утечка мозгов» из периферии в центр, как и отсутствие возвратной миграции после окончания ВУЗа из столичных городов в провинцию, объективна, так как в их основе лежат существенные территориальные неравенства в уровне жизни центра и периферии. Одним из основных факторов при выборе центра получения образования выступает транспортная доступность. Зачастую, только исходя из транспортной доступности, выпускник средней школы, а чаще его родители производят выбор ВУЗа. Вместе с тем, более низкий конкурс, обеспеченность общежитиями, наличие родственников могут компенсировать худшую территориальную доступность и, в конечном счете, оказать определяющее воздействие на направление миграции. В настоящее время многие столичные технические вузы открывают свои филиалы в регионах,

где активно работают предприятия топливно-энергетического комплекса. То есть можно сказать, что идет процесс адаптации вузовской сети к потребностям производства.

Достижение положительных результатов реформ в области высшего образования возможно при достижении соответствия между структурой выпуска из вузов и структурой спроса на кадры высшей квалификации на рынке труда. В свою очередь, это может быть достигнуто только за счет совершенствования планирования приема в высшие учебные заведения.

На основе требований современной экономики можно выдвинуть ряд предложений по модернизации высшей школы, а именно:

- устанавливать связь и усиливать взаимодействие между промышленными предприятиями и образовательными учреждениями высшего профессионального образования не только по подготовке планов приема, но и по последующему трудоустройству;
- ввести систему распределения выпускников высших учебных заведений, получивших образование на бюджетной основе. В современной России, несмотря на наличие большого числа по сути региональных высших учебных заведений (педагогических, сельскохозяйственных, медицинских и т.д.), такой политики, по существу, нет, как нет и эффективной региональной политики в сфере подготовки кадров высшей квалификации. В результате высшие учебные заведения зачастую работают без учета ситуации на региональных рынках труда, а их выпускники остаются маловостребованными;
- ввести систему возврата выпускником государству потраченных бюджетных средств на его обучение, в случае если выпускник отказывается работать по месту распределения;
- проводить мониторинг рынка труда, прогнозировать потребности в квалифицированных кадрах и корректировать планы приема в зависимости от показателей трудоустройства.

В настоящее время можно отметить наметившуюся тенденцию к интеграции предприятий и образовательных учреждений высшего профессионального образования Ярославской области по подготовке кадров для инновационного развития. Такое сотрудничество предполагает совместную деятельность, при которой согласовываются интересы и (или) цели сотрудничающих сторон для более полного использования каждой своих и совместных потенциальных возможностей. В этой связи нельзя не согласиться с точкой зрения ученых-экономистов о том, что на пороге XXI века сотрудничество оказывается «и условием выживания и фактором всестороннего прогресса» [3, с. 123]. Ниже приведены примеры сотрудничества крупных предприятий с учебными заведениями Ярославской области (табл.1).

Увеличивается число договоров о целевой подготовке кадров, а также возникают учебные центры совместно с иностранными компаниями («Комацу» (Япония), «Никомед» (Дания)). Иностранные предприятия стремятся не только к расширению экспорта продукции, но и к созданию своего производства в России. Как правило, они приходят в перспективные отстающие отрасли промышленности, например, в производство строительных и дорожных машин, фармацевтическую промышленность, полиграфию и т.д. Создание производства на развивающихся рынках с невысокой конкуренцией и снижение затрат невозможно обеспечить без квалифицированных кадров всех уровней подготовки.

В свою очередь для осуществления таких проектов требуется объединение усилий ученых разных научных направлений, в Ярославской области организована ассоциация трех вузов: Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Ярославского государственного технического университета и Рыбинской государственной авиационной технологической академии им. П.А. Соловьева. Сравнительная оценка позволяет сформулировать вывод о предпочтительности ассоциации вузов, ориентированных на обеспечение не только системы образования,

но и экономики региона в целом. Ассоциация, имеющая сетевую структуру, позволяет эффективно обеспечивать достижение положительного эффекта синергии [4].

Таблица 1

Интеграция предприятий и вузов по подготовке кадров

Наименование учебного заведения	Наименование предприятия	Формы сотрудничества (количество учащихся)
Рыбинская государственная авиационная технологическая академия имени П.А. Соловьева	ОАО «НПО «Сатурн»	Договоры о целевой подготовке (150 человек)
	ОАО «Ярославский радиозавод»	
	ОАО «Автодизель»	
	ОАО «Ростовский оптико-механический завод»	
Ярославский государственный технический университет	ОАО «Славнефть-ЯНОС»	Договоры о целевой подготовке (10 и 25 человек)
	ОАО «Ярнефтехимстрой»	
	Завод «Комацу» в г. Ярославле	Создание учебного центра на базе ЯГТУ (60 человек)
Ярославская государственная медицинская академия	ЗАО «Р-фарм»	Создание учебного центра (совместно с ЯГТУ)
	Компания «Никомед»	

Таким образом, сотрудничество можно рассматривать как метод активной адаптации во внешней среде и как фактор конкурентного преимущества для взаимодействующих организаций, позволяющий получать обоюдную пользу.

Анализ опыта сотрудничества предприятий с учебными заведениями позволил выявить основные предпосылки возникновения корпоративного заказа на подготовку кадров:

- предприятие является крупной структурой, занимающей устойчивое положение на рынке и имеющее перспективы дальнейшего развития;
- высокий профессиональный уровень первых лиц компании, ориентирующих работу кадровых служб на решение перспективных задач;
- развитие интереса у молодежи к технике и техническому творчеству, повышение престижности инженерного образования. Как справедливо указывают многие исследователи (Галагян А.И., Дятлов С.А., Пузыня К.Ф.), особая роль в развитии инновационной экономики принадлежит высшей технической школе, которая призвана обеспечивать формирование и опережающее развитие научно-технического потенциала общества. Это основа для перехода страны на новый технологический уклад. Экономический потенциал страны зависит от способности общества, главным образом молодежи, творчески мыслить, быть научно и технически образованной, уметь ставить цели и добиваться их достижения;
- государство через систему институтов побуждает предприятия к заключению договора с образовательными учреждениями о подготовке кадров (лицензирование, введение обязательных норм и др.).

Выгоды для высшего учебного заведения при реализации образовательных проектов очевидны: повышение уровня трудоустройства выпускников, их более быстрая адаптация к производственной жизни; рост квалификации преподавательского состава; обновление материально-технической базы; расширение возможности проведения прикладных исследований и опытно-конструкторских работ.

Однако на сегодняшний день реализация образовательных проектов, внедрение корпоративного заказа вызывает у многих скептицизм, недоверие и даже открытое противодействие. Причин такой ситуации несколько:

- во-первых, многие предприятия возлагают задачу подготовки кадров полностью на государство, считая, что сложившуюся десятилетиями систему государственного заказа не нужно менять. Такой иждивенческий подход вряд ли позволит решить задачу обеспечения непрерывного образования в большинстве профессий;
- во-вторых, первые руководители не уделяют должного внимания перспективным направлениям деятельности, подготовке кадров для будущего, так как озабочены решением проблемы выживания в связи с падением спроса на продукцию и преодолением последствий финансового кризиса;
- в-третьих, существующее недоверие к системе высшего образования как социальному институту. За период реформ высшая школа во многом утратила присущий ей инновационный потенциал, в ряде исследований отмечается ее консерватизм, укоренившееся небрежение к вопросам применения знаний [5, с. 304];
- в-четвертых, высшее образование само не прилагает достаточных усилий, чтобы получить корпоративный заказ. Нет рекламы деятельности, действенной мотивации профессорско-преподавательского состава [6, с. 98].

Анализ факторов, препятствующих реализации корпоративного заказа и разработка основных направлений смягчения этих факторов должны стать предметом пристального рассмотрения ученых, озабоченных проблемами модернизации высшего образования. Изучение имеющегося опыта, разработка организационных форм взаимодействия высшего образования и производства, развитие эффективных экономических отношений между субъектами производства и потребления образовательных услуг позволят создать предпосылки для решения задачи подъема российской экономики на основе нового технологического уклада.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии / Карл Маркс; [предисловия Ф. Энгельса]. – М.: Политиздат, 1988. – Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала. – 891 с. .
2. Чекмарев В.В. Исследование закономерностей развития экономического потенциала и инновационной активности образовательных систем / В.В. Чекмарев, Ю.В. Беляева. – Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 383 с.
3. Экономическая теория на пороге XXI века – 3: Экономическая цивилизация и научная экономика / под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. – М.: Юрист, 2000. – 620 с.
4. Захаров П.Н. Синергия стратегий развития университетского комплекса региона: монография / П.Н. Захаров. – Владимир: Издательство ГОУ ВПО «ВГГУ», 2009. – 180 с.

5. Экономика знаний: монография / В.П. Колесов [и др.]; отв. ред. В.П. Колесов. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 431 с.
6. Стратегии России: общество знаний или новое средневековье?: материалы международной научной конференции, 3-4 апреля 2008 года, г. Москва / под общ. ред. А.В. Бузгалина, А.И. Колганова. – М.: ЛЕНАНД, 2008. – 248 с.

ФИАСКО РЫНКА VS ФИАСКО ГОСУДАРСТВА: КТО КОГО?

Родина Галина Алексеевна

доктор экономических наук, профессор. Филиал Всероссийского заочного финансово-экономического института, директор филиала в г. Ярославле, действительный член Академии философии хозяйства и Философско-экономического ученого собрания МГУ имени М.В.Ломоносова.

г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: galinarodina@mail.ru

Аннотация. В данной статье уделено внимание проблеме соотношения государства и рынка. Данную проблематику выдвигали практически все экономические школы – от меркантилизма до современных теорий государственного регулирования экономики (кейнсианства, неолиберализма, неоклассического синтеза, неинституционализма). Автором представлена проблема соотношения государства и рынка, существующая на стыке экономической политики и экономики, изложен процесс воздействия рыночной экономики на государственную политику в новых условиях, которые обусловлены как внутренними, так и глобальными процессами.

Ключевые слова: государство; рынок; инклюзия; экономическая политика; глобальные процессы

Код УДК: 338.242

Annotation. The article deals with the problem of ratio between of the state and the market. This range of problems has been touched upon by almost all schools of economic thought – from mercantilism to the modern theories of government regulation of the economy (Keynesianism, neoliberalism, neoclassical synthesis, neoinstitutionalism). The author presents the problem of the ratio between of the market and the state which exists at the intersection of policy and the economy. She also recounts the (impact of market economy on public policy in the new environment, which is caused by both internal and global processes.

Keywords: state; market; inclusive; economic policy; global processes

*Две великие альтернативы, laissez-faire и социализм,
умирают, и вряд ли можно ожидать их возрождения
Дж. Бьюкенен*

Взаимосвязь рынка и государства: привычная трактовка складывается в императив «влияния государства на рынок». В теории и практике необходимость государственного регулирования экономики сейчас мало кем оспаривается. Способность нерегулируемого рынка в современных условиях спонтанно обеспечивать равновесие и высокую эффективность экономики, оценивается как весьма ограниченная. Считается также, что и исторически «стерильная» и полностью саморегулирующаяся экономика никогда и нигде в мире не существовала и принципиально не могла существовать.

Современное управление экономикой основано на концепции активного участия в нем государства не только как государства-регулятора, устанавливающего «правила игры» на рынке и реализующего механизм регулирования, но и как государства-собственника в рыночной экономике, его субъекта. Научные дискуссии касаются, главным образом, пределов, задач, механизмов и

средств государственного регулирующего воздействия на экономику, что находит отражение в чередовании концепций, то проповедующих усиление роли государства в экономических процессах (приверженцы кейнсианства и институционализма), то делающих ставку на рыночные силы (последователи монетаристов и неолиберализма). При этом социальная стабильность нередко называется в качестве основного критерия выбора возможных стратегий государства. Следует согласиться с Ф.И. Шамхаловым в оценке опыта стран с либерально-демократическими режимами, где «именно государство сыграло решающую роль в обуздании стихийных рыночных сил, корректировке их негативных последствий, беспрецедентном повышении жизненных стандартов, противодействии произволу корпораций и т.д.» [1, с. 73]. Это явилось следствием реализации концепции «социального государства» и «государства всеобщего благосостояния».

Государство призвано корректировать те недостатки (провалы, или фиаско), которые присущи рыночному механизму. Во-первых, оно берет на себя ответственность за создание относительно равных условий для взаимного соперничества предпринимательских фирм, для эффективной конкуренции, для ограничения монополизированного производства. Во-вторых, государство должно обеспечивать производство общественных товаров и услуг. В-третьих, задачей государства является «разруливание» внешних эффектов. Эти три позиции, как известно, составляют минимально необходимые границы государственного вмешательства в экономику. Диктуются они неспособностью рынка обеспечить эффективное использование ограниченных ресурсов.

Кроме этого, участие государства в экономической жизни XXI века, в соответствии с утвердившимся к настоящему времени понятием цивилизованности, диктуется и определёнными социальными установками: ему надлежит заботиться об инвалидах, детях, стариках, малоимущих, регулировать рынок труда, принимать меры по сокращению безработицы. Обычно рынки весьма посредственно справляются с выполнением общественных задач – таких, как безопасность, стабильность, здравоохранение и образование. Например, фирмы, производящие дешёвые трудоёмкие товары или эксплуатирующие природные ресурсы, зачастую не испытывают потребности в более квалифицированных кадрах и могут уделять мало внимания их здоровью, если на рынке труда существует избыток рабочей силы. Без дополняющих общественных и государственных действий рынки вяло относятся к поддержанию устойчивости окружающей среды и порой даже создают условия для её деградации – в качестве примеров можно привести такие бедствия, как селевые потоки на Яве и утечку нефти в Мексиканском заливе. Не стоит забывать и о внешней политике, регулировании платежного баланса и валютных курсов.

Привычным является именно такой подход: любой вариант современной смешанной экономики в своей основе имеет рыночную систему, которая, с одной стороны, необходима для обеспечения устойчивого экономического динамизма; с другой стороны, автоматически не приносит прогресс в другие измерения человеческого развития. Развитие, которое делает слишком большой упор на быстром экономическом росте, редко бывает устойчивым. Словом, рыночная экономика необходима, но недостаточна. Поэтому одним из важных аспектов является то, как организованы взаимоотношения между рынком и государством. Правительства разными путями воздействуют на напряжённость между стремлением рынков обеспечивать прибыль и динамизм и необходимостью преодолевать фиаско рынка. Однако, поскольку экономическая деятельность государства не гарантирует улучшения ситуации в силу противоречивой сущности государственного регулирования экономики как такового, то правомерно говорить не только о фиаско рынка, но и о *фиаско государства*. Государство может способствовать развитию экономики за счёт обеспечения институциональной инфраструктуры, элементарных основ образования и здравоохранения, необходимых для экономической деятельности, формирования экономической микро- и макросреды (путём осуществления фискальной и монетарной политики), в которой прорастают стимулы для эффективной экономической деятельности. Но государство может и сдерживать экономическую активность вследствие принятия необоснованных решений, ценовых

искажений, завышения транзакционных издержек при создании предприятий, формирования нетранспарентной среды, частой смены правительства или законодательных норм.

Государственный потенциал – вещь крайне дефицитная. Правительства ряда развивающихся стран пытались копировать действия современных развитых государств, не имея ресурсов или потенциала для этого. Так, политика импортозамещения во многих латиноамериканских странах оказалась на грани краха, когда они попытались осуществлять целенаправленную промышленную политику, т.к. олигархический капитализм подавил продуктивные механизмы инноваций. По контрасту с этим, важные уроки успехов Восточной Азии состоят в том, что эффективные и целеустремлённые государства помогали продвигать развитие и рост рынков. То, что возможно и уместно, зависит от конкретных условий.

Однако симбиоз государства с рынком определяется не только (и, как будет доказано далее, не столько) национальными особенностями. Решающими факторами, обуславливающими модификацию этого симбиоза, являются изменения в материально-технической базе производства на основе современных информационных технологий. IT-технологии позволили мировой экономике работать в режиме единого организма, т.к. сформировались условия заключения и осуществления сделок в режиме он-лайн. Это привело к либерализации экономического развития под влиянием процессов глобализации. Последняя стимулировала дальнейшее развитие рыночных механизмов, усиление открытости национальных экономик, перераспределение экономических и политических функций между национальными государствами таким образом, что наднациональное регулирование (прежде всего в лице ТНК как главных хозяйствующих субъектов на территории национальных хозяйств) становится главным и определяющим по отношению к национальному. Регулирующие функции государства, естественно, ослабли, ибо государство оказалось не в состоянии в прежнем виде защищать национальную экономику. Действительно, как с национальной площадки можно регулировать социально-экономические процессы, вышедшие за национальные рамки и приобретшие самостоятельный и самодовлеющий (по отношению к национальным экономикам) характер?

Экономической роли государства в новых условиях уже не соответствует концепция «государства всеобщего благоденствия», – ей на смену приходит *концепция «эффективного государства»*:

- Несмотря на то, что эта теория не отрицает необходимость выполнения государством своих базовых функций, признаётся, что государство не должно быть единственным поставщиком благ и услуг в области образования и здравоохранения. Такой вывод делается на том основании, что расходы государства на предоставление общественных товаров зачастую приносят непропорциональную выгоду богатым. Так, избыточное бюджетное финансирование высшего образования, по сравнению с начальным и средним, достаётся, главным образом, состоятельным гражданам (т.к. именно они являются основными потребителями этого вида услуг); в результате бюджетные средства перераспределяются в пользу богатых.
- Не отказываясь от защиты социально слабых слоёв населения, государство должно разграничивать социальное страхование, которое может быть самофинансируемым, и социальную помощь, требующую прямых государственных затрат. Это объясняется анализом опыта осуществления программ социального страхования 70-80-х годов XX века, так и не достигших поставленных целей по защите уязвимых слоёв населения. Вместо этого ресурсы могли перераспределяться в пользу элитных групп, что оборачивалось финансовой дестабилизацией.

- Для повышения эффективности деятельности органов государственной власти и ограничения возможности произвольных действий необходимо развивать конкуренцию как при найме государственных служащих, так и при производстве общественных благ (путём допуска к борьбе за государственные подряды частных фирм наряду с государственными).
- Не отказываясь полностью от регулирования, государство должно взять на вооружение такие подходы к нему, которые не просто соответствуют меняющимся потребностям экономики и общества, но и отвечают реальным институциональным возможностям страны. Например, из-за сложности оценки финансового состояния банков, негативных цепных эффектов банковских крахов, регулирование банковского сектора должно сводиться не к распределению кредитов в соответствии с установленными приоритетами, а к обеспечению надёжности финансовой системы в целом посредством развития, прежде всего, системы пруденциального контроля¹. В итоге вместо усиления надзорных функций со стороны государства банки замотивированы на осторожное ведение дел. Или, скажем, регулирование естественных монополий традиционно направлено на развитие конкуренции и ограничение монопольного поведения. Эта цель сохраняется, но дополняется страхованием частных инвесторов от «рисков регулирования», возникающих при пересмотре регулирующими органами своих решений и навязывании инвесторам новых обременительных требований. Получается, что государственное регулирование вводится для преодоления фиаско рынка, однако оно может перерасти в фиаско государства, от которого тоже следует застраховаться. В итоге резкая смена курса государственной политики становится затруднительной.
- Пересмотру подвергается и промышленная политика. Исходя из развитости современных национальных рынков, признаётся, что частный сектор способен самостоятельно готовить сложные крупномасштабные проекты и управлять ими. Государству отводится роль их эксперта. При этом уже не государство, а национальные, региональные и международные сети создают для фирм многочисленные возможности для развития бизнеса. В итоге с государства снимается ответственность за исполнение решений, что стимулирует сотрудничество в рамках частного сектора вместо формирования громоздкой промышленной бюрократии.
- Либерализуется торговля и рынки капитала, что приводит, с одной стороны, к постепенному выравниванию внутренних цен в соответствии с конъюнктурой мирового рынка; с другой стороны, – к более взвешенной монетарной политике правительства, поскольку в новых условиях последствия денежно-кредитной недисциплинированности преодолеваются гораздо тяжелее.

Таким образом, концепция «эффективного государства» исходит из необходимости сокращения вмешательства государства в экономику в результате появления на мировой арене нового основного игрока – ТНК, являющегося продуктом развития рынка в условиях либеральной модели глобализации.

Следует согласиться с тем, что абсолютизация рынка и свободной конкуренции в масштабе мировой экономики обернулись утратой государством роли эффективного регулятора национальной экономики, опирающегося на традиционные макроэкономические рычаги. Трудно по-прежнему использовать импортные барьеры и экспортные субсидии, изменение валютного курса и ставки рефинансирования в условиях применения единых норм и правил экономического поведения. В борьбе за привлечение иностранных инвестиций государству недоступны в полной

¹ *Пруденциальный банковский контроль* (англ. prudential banking supervision – разумный банковский надзор) – регулирование, включающее систему лимитов и ограничений, накладываемых на банки с целью обеспечения их

мере рычаги как налогообложения, так и трудового законодательства.

Означает ли это, что регулирование процессов на уровне отдельных национальных хозяйств постепенно переходит к ТНК? Отнюдь нет. Как в своё время (последняя треть XIX века) появление монополий в процессе рыночной эволюции не решило проблему фиаско рынка, так и в веке XXI транснациональные корпорации, являющиеся превращённой формой национальных монополий, не справляются с рыночным фиаско, а напротив, порождают уже его превращённую форму – «фиаско глобализации» (хотя точнее было бы применить термин «*фиаско либеральной модели глобализации*»). Рыночная система нуждается в конкуренции и доступной информации. Но и та, и другая ограничены в силу неполноты и асимметрии рынков, т.е. неравномерного распределения информации, необходимой для принятия решений о покупках и продажах, в результате чего один из участников сделки находится в преимущественном положении. Поэтому в мировом масштабе, точно так же, как и в масштабе национальном, появляются монополистические устремления, выражающиеся в монопольном поведении, никуда не исчезают внешние эффекты, сохраняется проблема производства общественных благ. Представить себе, что в глобализированной мировой экономике кто-то вместо национального государства смог бы урегулировать эти процессы, является проблематичным (по крайней мере, сегодня).

Национальные государственные образования сохраняются, более того, численно увеличиваются. Они, и только они, способны создать механизм, обеспечивающий противостояние негативным тенденциям глобализации. Для этого необходимо выстроить принципиально новую систему отношений с высшей администрацией и руководителями ТНК; поддержать национальный капитал, национального производителя в его конкурентной борьбе при разделе мирового дохода; обеспечить социальную защищённость работников; обеспечить высококачественное образование, например, через предоставление студентам кредитов на образование, ибо рынок сам по себе не склонен финансировать инвестиции в человеческий капитал; предотвращать негативные последствия постоянно пузырящейся мировой экономики и т.п. Решение большинства этих проблем современным ТНК не под силу. Сужение государственного регулирования экономики на национальном уровне оборачивается усилением регулирования на уровне мирового хозяйства в интересах крупного капитала. Однако это чревато утратой устойчивого развития общества, что может подорвать основы самой глобальной экономики.

Поэтому в условиях глобализации изменение форм государственного регулирования экономики должно быть направлено, прежде всего, на ограничение негативных последствий свободного движения капитала через налаживание государственного страхования обязательств финансовых посредников внутри страны, введение налога на финансовые операции, резервные требования в отношении краткосрочных поступлений капитала, что предотвратит (или, по крайней мере, ослабит) спекулятивное давление финансового капитала на национальную экономику. Система государственного контроля за движением капитала должна включать:

- отраслевое регулирование размещения прямых иностранных инвестиций с целью не допустить усиления влияния иностранного капитала на стратегически значимые направления и области развития;
- запреты и ограничения определённых видов деятельности или выпуска конкретной продукции;
- ограничение доли иностранного капитала в инвестируемые предприятия или допуск иностранных предприятий на рынок при условии экспорта произведённой продукции;
- принятие специальных ограничений на инвестиционную деятельность иностранных фирм;
- требования создания предприятий с участием национального капитала или требования

занятости и обучения персонала.

Игнорирование этих требований уже дорого обошлось мировой экономике в 2007-2010 годах. «Спусковым крючком» стала политика дешёвых денег монетарных властей ведущих стран. В доглобализационной мировой экономике таких серьёзных последствий эта политика вызвать не могла. Но совершенно иным образом проявились её последствия в условиях свободного стремительного перемещения капитала, спровоцировавшего спекуляции на финансовых рынках в таких масштабах, которые и породили мировой финансовый кризис, переросший в экономический. Сегодня те механизмы, которые привели к этому кризису, всё ещё являются доминирующими. Следующая фаза текущего кризиса может затронуть сферу денежного обращения; новый кризис (ориентировочно между 2015 и 2020 гг.) станет кризисом государственных финансов, поскольку сейчас долги национальных корпораций переложены на плечи государства и рано или поздно правительства не смогут обслуживать такой огромный государственный долг [2]. К сожалению, приходится вспомнить, что кризис (а то и война) – удобный способ списания госдолгов и сброса государствами социальных обязательств перед своим населением.

Чрезвычайную важность сохраняют и социальные функции государства в условиях глобализации, хотя они не могут не измениться в связи с превращением ТНК в главных субъектов, действующих в рамках национальных хозяйств. Это обстоятельство дестабилизирует систему социально-трудовых отношений, поскольку в ТНК нарушается привычная система отношений собственник – работодатель – наёмный работник. Крупные компании могут процветать, но при этом заработная плата работников может оставаться прежней, а социальные гарантии сокращаться. Государство может и должно способствовать повышению социальной ответственности ТНК через их вовлечение в национальные программы по образованию, ликвидации безработицы и бездомности, улучшению условий труда. Кроме этого, поддержка транснациональными корпорациями малого и среднего бизнеса может привести не только к созданию дополнительных рабочих мест, но и к расширению покупательной способности населения, не говоря о снятии социальной напряжённости в стране.

Мировой опыт, зафиксированный в юбилейном, двадцатом, Докладе ООН о развитии человека, опубликованном в ноябре 2010 года под названием *«Реальное богатство народов: путь к развитию человека»*, свидетельствует: «Динамика может быть положительной, когда страны одновременно переходят к инклюзивным рыночным и инклюзивным политическим институтам². Но это трудноосуществимо и наблюдается редко» [3].

В интересующем нас контексте термин «инклюзия» получил развитие в странах Европы, Азии, Африки, а у нас пока только приживается. Особый интерес вызывает «инклюзивный рынок» как бизнес, который взаимовыгоден всем. Например, учитывая, что в мире 2,6 млрд. людей живут на менее чем два доллара в день, инклюзивные рынки продвигают идею: лучше иметь небольшой доход от большого количества людей, нежели большой доход – от небольшого [4]. Чтобы осуществить инклюзивный проект, нужно, чтобы он соответствовал требованиям по доходности, носил устойчивый характер и благоприятно воздействовал на человеческое развитие. Программа развития Организации Объединённых наций (ПРООН) разработала проект «Развитие инклюзивных рынков в странах Восточной Европы и СНГ». ПРООН выступает как промежуточное звено, налаживая партнёрство между госорганами и 75 объектами среднего и малого бизнеса и предоставляя консультационную поддержку. Например, для преодоления феномена «наказания за бедность» (когда малообеспеченные люди, не имеющие возможности закупать товары оптом в гипермаркетах на долгое время по причине отсутствия машины, вынуждены платить за товары и услуги больше, чем более состоятельные граждане) организуется розничная торговля в форме МШД

² Термин «инклюзия» (от англ. inclusive) означает «включённость». При инклюзии все заинтересованные стороны должны принимать активное участие для получения желаемого результата. В современном социуме этот термин обычно используется для обозначения процесса реального включения инвалидов в общественную жизнь.

– магазинов шаговой доступности.

Несмотря на то, что термин «инклюзивности» ещё не получил широкого распространения в экономических исследованиях, хотелось бы обратить внимание на его двойственность. С одной стороны, он ассоциируется с вариантом положительной динамики развития общества, однако активное участие заинтересованных сторон может привести и к негативному (напомним – с точки зрения общественного развития) результату. Например, в переходной экономике, когда поведение чиновников является рентоориентированным, а рыночные стимулы действуют ещё не в полной мере, при организации выполнения инновационных проектов по государственным заказам возникают потери эффективности. В итоге ограниченность бюджета, выделяемого на цели технологического развития, обуславливает поддержку лишь незначительного числа проектов. Распределение целевых средств между этими проектами при отсутствии отлаженного института квалифицированных экспертов порождает угрозу возникновения феномена «квазирыннка».

Мы считаем, что обозначившиеся противоречия либеральной модели глобализации следует решать на пути инклюзивных рыночных и инклюзивных государственных институтов (не забывая про негативные последствия возможных «квазирынков»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Шамхалов Ф.И. Государство и экономика: основы взаимодействия: учеб. для вузов по спец. «Менеджмент» / Ф.И. Шамхалов. – М.: Экономика, 2000. – 381 с.
2. Кобяков А. О кризисе и переходе на 6-й техноклад [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://m-kalashnikov.livejournal.com/393823.html> – Дата доступа: 14.04.2010.
3. Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr2010/chapters/ru>. – Дата доступа: 14.04.2010.
4. Секербаева Ж. Инклюзивные рынки работают [Электронный ресурс] / Ж. Секербаева. – Режим доступа: www.info-tses.kz/red/article.php?article=70477. – Дата доступа: 14.04.2010.

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ РЫНКА И ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Садыков Туртубек Умутканович

доктор экономических наук, профессор. Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва,
заведующий кафедрой экономической теории
г. Астана, Казахстан. E-mail: sadykov-turtubek@mail.ru

Аннотация. В статье излагается взаимное влияние органов государственного управления в Казахстане и рынка на применении ключевых национальных показателей. В статье раскрыты методы экспертных оценок применяемые при решении различных социально-экономических проблем, а также международный опыт применения ключевых национальных показателей.

Ключевые слова: государство; рынок; экономические показатели; модель развития; ключевые национальные показатели

Код УДК: 338.242

Annotation. The article reveals the mutual influence of the state administration bodies and the market on the application of key national indicators in Kazakhstan. The author dwells on different methods of expert estimates which are used for solving various socio-economic problems, as well as on international experience in the application of key national indicators.

Keywords: state; market; economic indexes; model of development; global processes; key national indicators

Взаимовлияние рынка и государства в современных условиях в Казахстане рассмотрим в части применения ключевых национальных показателей (КНП). В данном направлении с целью определения эффективности рыночных процессов в Республике Казахстан (РК), прежде всего, обращается внимание на стратегическое планирование. Такое планирование отражает процесс балансирования разнообразных интересов и служит достижению консенсуса внутри общества. На этом пути система управления в РК претерпевает соответствующие преобразования, которые связаны с созданием и настройкой системы согласования интересов и мотивов деятельности государства, рынка и общественности.

В этой связи ответственность государства за качество финансовой работы с точки зрения достижения целей стратегии экономического и рыночного развития сегодня должна осмысливаться по-новому. Если говорить коротко, то сегодня ключевая фраза – «работа на результат». За последние годы в стране изменился характер управления рыночными процессами, который сегодня ориентирован на устойчиво высокие темпы роста в экономике, проведение важных структурных реформ и социальных программ, на развитие новых форм межгосударственного и государственно-частного партнерства, перехода к клиенто-ориентированным системам управления и контроля. Эти изменения затронули систему государственных финансов во всех ее важнейших аспектах, таких как макроэкономическая стабилизация, укрепление финансовой дисциплины, активная инвестиционная деятельность государства, открытость финансовых рынков, развитие совместных инвестиций рынка и государства.

Традиционные экономические показатели сегодня не дают удовлетворительной оценки уровня развития рынка и качества управления социальным развитием. Для этого необходима система взаимосвязанных и сбалансированных показателей, включающая финансовые и нефинансовые индикаторы, способная отразить достижение конечных целей государства. Валовой внутренний продукт, уровень безработицы и смертности, чистота воздуха, безопасность граждан – все это примеры показателей, которые, взятые вместе, позволяют дать полную картину о воздействии рынка на положение дел в каждом городе, районе или стране, в целом.

Система КНП позволяет разработать одну из эффективных моделей оценок социально-экономического и рыночного развития государства. В этой связи нами предлагаются следующие подходы: метод оценки программ, метод экспертных оценок по процедуре Дельфи и методы, используемые для оценки инвестиционных проектов (при этом государственные расходы рассматриваются как долгосрочные инвестиции).

Метод экспертных оценок определяет разнообразные величины, допускающие в той или иной форме качественное и количественное представление и применяемые при решении различных социально-экономических и рыночных вопросов. При этом осуществляются рассмотрение следующих моментов: **первый**, анализ нормативно-правовых актов, плановых расчётов и объяснительных записок к ним, методических документов, изданий и публикаций по выбранному объекту исследования; **второй**, анализ результатов ранее проведённых ревизий и проверок, с помощью которых можно сделать выводы об объективных и субъективных причинах возникновения или существования проблем по использованию национальных ключевых показателей для проведения аудита эффективности в Республике Казахстан; **третий**, анализ показателей статистической, финансовой и оперативной отчётности; **четвёртый**, анализ результатов обследования пространственных характеристик объекта, хронометража затрат рабочего времени, а также результатов опроса, интервьюирования и анкетирования; **пятый**, анализ через систему сбалансированных показателей.

В смысле международного опыта применения КНП сегодня надо отметить, что многие страны проводят системное реформирование административных структур для того, чтобы они несли реальную ответственность за конечный результат деятельности. Поэтому наряду с определением национальных ключевых показателей и индикаторов развития (для внутреннего пользования) не менее важной является задача разработки показателей, которые позволяли бы осуществлять объективные международные социально-экономические и рыночные сопоставления. Задача выбора универсальных показателей развития далеко не тривиальна: слишком разные стартовые условия, возможности и традиции у государств Европы, Азии, Африки, США и Латинской Америки. Выстраивая единую шкалу для измерения социально-экономического и рыночного роста в отдельных странах и цивилизации в целом, необходимо соблюдать **корректность**, имея в виду национальный суверенитет, историческую, этнокультурную и хозяйственную специфику национальных образований.

В современном мире сложилось множество школ стратегического планирования рыночных процессов и различные подходы к выбору ключевых показателей национального развития. Поэтому достаточно сложно говорить о возможности простого перенесения или унификации разнообразного международного опыта. Кроме того, в отсутствие согласованных подходов к пониманию и измерению прогресса невозможно провести адекватный сравнительный анализ состояния и перспектив развития отдельных государств. Поэтому целью международных дискуссий относительно ключевых национальных показателей и индикаторов является не столько получение неких универсальных, наднациональных показателей, на основе которых можно было бы выявлять лидеров и аутсайдеров на мировой конкурентно-рыночной арене, сколько достижение общей транспарентности формирования, реализации и оценки эффективности национальных стратегий.

Если говорить о Республике Казахстан, то принятый в 2008 году Указ Президента РК «О системе государственного планирования» создает правовую основу для создания системы оценки социально-экономического и рыночного развития страны – системы КНП [1]. Система ключевых национальных показателей РК предлагается и обосновывается сформировать на основе стратегических целей долгосрочного документа развития страны – «Стратегии-2030».

Основной проблемой при внедрении и использовании КНП в Казахстане может стать отсутствие соответствующего опыта и практики. Следует начинать с совершенствования государственного планирования. Здесь, в первую очередь, имеется в виду, что государственное планирование направляется на сопровождение и управление рыночными процессами по обеспечению роста конкурентоспособности страны.

Вместе с тем, если внимательно изучить различные отраслевые государственные планы министерств на период 2009 – 2011 гг., то они явно не стыкуются ни по методике составления, ни по показателям планирования. Более всего, следует акцентировать усилия на решение проблем внедрения и использования КНП в направлении поиска единого интерфейса (состыковки) компьютерного, информационного и программно-математического обеспечения процесса составления различных отраслевых государственных планов. Известный разницей в таком обеспечении продолжает ложиться тяжёлым бременем на государственный бюджет.

С целью обеспечения более оперативного и качественного внедрения контроля эффективности в РК разработаны методические рекомендации, определяющие порядок планирования и проведения контроля эффективности, а также составление отчета по результатам контроля эффективности. Таким образом, представляются и раскрываются особенности ключевых национальных показателей, а также показывается применение КНП согласно международных стандартов ИНТОСАИ, ПРООН, ИЧР, конкурентоспособности и устойчивости социально-экономического и рыночного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Системе государственного планирования в Республике Казахстан: [Указ Президента Республики Казахстан от 18 июня 2009 года № 827] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minplan.kz/economyabout/331/19689/> – Дата доступа: 14.04.2010.

ОБЩАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Усик Нина Ивановна

доктор экономических наук, профессор. Санкт-Петербургский государственный университет низкотемпературных и пищевых технологий, заместитель декана по научной работе факультета экономики и экологического менеджмента г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: eif1511@yandex.ru

Аннотация. Представленная нам статья характеризует состояние рынка в России. По мнению автора статьи, основой институциональной модели развития экономики страны является государство, которое является институтом управления и регулирования. Также в статье раскрывается значение конкуренции и принцип ее экономической координации.

Ключевые слова: конкуренция; развитие; институт; институциональная среда; институциональная модель

Код УДК: 330.342.4

Annotation. The article under consideration describes the state of the market in Russia. From the author's point of view a state is the basis of the institutional model of the economic development of the country. The state is an institution of governance and regulation. The importance of competition and the principle of its economic coordination are also highlighted in the article.

Keywords: competition; development; institution; institutional environment; institutional model

Рынок в современной интерпретации представляет собой институт с функциями координации, поскольку это социальный институт, сформированный частично социальными соглашениями и отношениями власти [1, с. 38; 2, с.63].

Рыночный сектор не способен регулировать социальную и экологическую сферы, поэтому его «провалы» координирует государство в соответствии с законами и нормами. Но государство своей политикой для исправления «провалов» рынка может вызвать новые неблагоприятные последствия и проблемы, что приводит к «провалам» политики. В России уход государства из экономики уже породил ухудшение ситуации в социальной сфере. Средний и крупный бизнес не участвует в решении социальных вопросов, касающихся ведомственного жилищного фонда, в том числе общежитий, детских дошкольных учреждений, домов отдыха, спортивных залов и т. д. В результате экономика развивается крайне медленно.

Рынок и его инфраструктура проявляются через институты: кредитно-денежную систему, товарные биржи, конвертируемость валют и т. д. В настоящее время эти институты приобрели, в основном, глобальный характер [3, с.53]. Финансовый кризис подтвердил, что рыночная экономика на конкурентной основе не исключает управления и регулирования. Государство выступает институтом управления обществом в целом в зависимости от поставленных целей. Оно является субъектом управления или регулятором, осуществляющим управление в случаях, когда необходимо вмешиваться в функционирование объекта, реализующего некоторую цель. Примером служит

Европейская Комиссия, которая не вмешивается в антиконкурентную деятельность стран-членов Европейского Союза (ЕС) до тех пор, пока факт нарушений не касается экономической ситуации в ЕС в целом. Следует отметить, что в ЕС структуры надзора, в большей степени остались национальными.

Осмысливая современные представления о рынке, Чарльз Хэнди отмечает: «Ни Адам Смит, ни (за редким исключением) его последователи не считали, что задачи государства следует полностью отдать на откуп рынку. Начать с того, что функционирование рыночной системы регламентировано законами и механизмами, проводящими их в жизнь. Никто всерьез не считает, что полицией и судами должны руководить частные коммерческие предприятия. Тем не менее, мода на приватизацию предполагает, что рыночная философия должна быть внедрена во все без исключения сферы жизни» [4, с. 169]. Он также утверждает, что у рынка есть свои пределы, свои непредвиденные последствия, так как рынок представляет собой лишь механизм, а не философию. Рыночные законы не действуют там, где результат не имеет денежного выражения, где предложение ограничено или действует распределительная система. Это так называемые «провалы рынка». Применение конкурентного механизма, основанного на критерии меньших затрат (конкурентная цена), к социальным институтам не гарантирует наилучших результатов, ведь самая дешевая школа или больница еще не обязательно лучшая.

Социальная рыночная экономика является либеральной концепцией, отличающейся от классического либерализма принципом экономического соревнования, согласно ортолиберализму В. Ойкена, когда экономический порядок с рамочным планированием гарантирует соревнование, приближающее рыночное хозяйство к модели совершенной конкуренции, исключая возможность установления власти над рынком со стороны монополий и картелей [5, с. 566]. Но ее социальная направленность должна быть обеспечена целенаправленным вмешательством извне, носящим характер регулирования со стороны государственной экономической политики, корректирующей «провалы» рынка.

Хозяйственная деятельность человека определяется различными целями и интересами. Если цель хозяйства, ориентированного на прибыль, – доход ради личного или коллективного обогащения, то этот мотив становится господствующим структурным принципом. Возникают факторы объективной необходимости и принуждения, источник которых лежит не в рациональной структуре хозяйственной деятельности как таковой, а в доминировании мотива обогащения и в соответствующем ему хозяйственном механизме: «Тогда соревнование в условиях рыночной экономики из стимула и регулятора экономического производства и потребления легко вырождается в агрессивную, безудержную конкуренцию, решающим фактором которой оказываются не способности и упорство, а, прежде всего, экономическое господство на рынке, благоприятствующее образованию блоков. Так возникает система принуждения, избежать которого, не подвергая себя риску экономического ущерба или даже катастрофы, отдельные субъекты экономики не в состоянии» [там же, с. 88].

А. Рих отмечает, что очень часто эту систему принуждения воспринимают как объективную закономерность, хотя, в большинстве случаев, это не что иное, как сумма привычек, правил, соглашений, которые могут быть изменены. Деловое принуждение может быть обусловлено определенными, лежащими в основе хозяйственной структуры и политики, ценностными ориентирами, при изменении которых экономическое принуждение ослабевает или устраняется [там же, с. 89]. На самом деле такое принуждение отражает внутренние противоречия, служащие источником прогрессивного развития общества и отражающие системный подход на диалектической основе.

Ю.М. Осипов отмечал чрезвычайно важное обстоятельство, связанное с существованием в российской экономике проблемы взаимосвязи рыночной трансформации и глобализации, в рамках которой отработывается системообразующая роль финансового капитала. Эта проблема, по его,

мнению связана с тем, что западная наука ошибочно формирует хозяйство не ради производства или потребления, а ради денег. Поскольку это противоречит целям развития государств, то приводит к кризисам. Он считает, что наступила эпоха глобальной финансовой ренты [6, с. 26].

Очевидно, что для развития экономики России необходима **общая институциональная модель**. Она базируется на совокупности конституирующих и регулирующих принципов В. Ойкена (1947), означающих законодательно закрепленные нормы и правила хозяйствования, изменяющиеся под воздействием результатов реализации установленных целей. Конституирующие принципы нацеливают политику государства на роспуск или ограничение экономических властных группировок; политико-экономическая деятельность государства должна быть направлена на создание форм экономического порядка, а не на регулирование экономического процесса. Если государство диктует валютный курс или устанавливает уровень заработной платы, то оно вовлекается в борьбу заинтересованных группировок [7, с. 60, 426]. Регулирующие принципы определяют роль правительства в защите конкуренции. Эти принципы согласуются с принципами разделения властей. Указанное положение вещей отражало этап развития стран в 1950-х годах XX века. В настоящее время все национальные экономики переплетены различными кооперационными (корпоративными) взаимосвязями, образуя глобальную экономическую систему.

Кроме координирующих и регулирующих принципов для формирования общей институциональной модели важным является **принцип** экономической координации конкуренции в рыночной среде. Научные споры о роли модели совершенной конкуренции в рыночной экономике ведутся и по сей день. Такое положение определяется различными научными школами. Но все учёные сходятся в одном – без конкуренции нет развития экономики. Что механизм конкуренции содержит в себе силы саморазрушения, как и Й. Шумпетер, подтверждал А. Рих, который считал конкуренцию принципом координации деятельности, выдвигаемую реальной рыночной экономикой 1980-х годов: «Речь идет о сохранении такой конкуренции, при которой обеспечивается получение прибыли как результат активной предпринимательской деятельности, учитывающей интересы всех, но которая действительно препятствует при этом извлечению доходов, обусловленных не предпринимательской активностью, а властью моды, рынком, объективно направленных на сдерживание конкуренции или даже на полное ее исключение из экономической деятельности» [5, с. 475]. Его выводы согласуются с оптимумом по Парето: ничье благосостояние не может быть улучшено без ухудшения благосостояния кого-либо другого. Предложенный Парето критерий благосостояния означает такую ситуацию, когда некоторые люди выигрывают, но никто не проигрывает.

А. Рих считает, что: «система координации рыночной экономики лишь в малой степени удовлетворяет требованиям полной конкуренции; столь же мала вероятность ее фактического существования при нынешних технико-экономических условиях. Это вовсе не значит, как часто утверждают, что конкуренция вообще исчерпала себя как принцип экономической координации. Ведь даже в предельном случае, при наличии абсолютной монополии, когда прямые конкуренты отсутствуют, конкуренция сохраняется, по крайней мере, в рамках ограниченного бюджета потребителя» [там же, с. 469].

Современная конкуренция – прежде всего борьба за техническое лидерство, за приоритет в открытии новых рынков и в преобразовании старых, стремление, возможно более точно, угадать направление изменений в потребительских вкусах и предпочтениях и максимально воплотить их в своих продуктах. Это конкуренция особого типа – «инновационная» конкуренция, главной задачей которой является не вытеснение соперника с уже занятых им позиций, а попытка опередить его в чем-то новом, более перспективном [8, с. 20].

Поэтому Ф. Хайек и предложил определение конкуренции как процесса, посредством которого люди получают и передают знания. Она ведет лишь к лучшему использованию способностей

и знаний, рассеянных среди миллионов. Ценность конкуренции, по его мнению, состоит именно в том, что, будучи процедурой открытия, она непредсказуема. В противном случае в ней не было бы никакой необходимости [9, с. 50].

Дальнейшее развитие этих взглядов Ф. Хайека осуществил Тайичи Сакайя, обративший внимание на придание конкурентами своей продукции новой формы созданной знанием стоимости и сделавший такой вывод: «неизбежным следствием подобной конкуренции станет появление системы, которая будет обеспечивать все большую диверсификацию видов продукции наряду с тенденцией к сдерживанию расходов, связанных с их разработкой. Столь острая конкурентная борьба, скорее всего, породит такие условия, при которых «бум» в сбыте того или иного популярного товара или технического новшества будет становиться все короче и короче» [10, с. 351]. Исходя из такого предположения, можно сделать вывод о сокращении жизненного цикла потребительского товара.

П. Друкер, отец менеджмента, еще в 1964 г. писал также о значении знания, когда ни результаты, ни ресурсы не существуют внутри самого бизнеса: «Бизнес можно определить как процесс, который превращает внешние ресурсы, а именно знание, во внешние результаты – экономические ценности» [11, с. 14].

Кроме того, в современной экономике прослеживается следующая закономерность. Чем разнообразнее на рынке определенный продукт, тем сложнее заменить его конкурирующим товаром и тем самым, следовательно, больше и власть их производителя над рынком. Возникает так называемая экономика предложения, когда могут модифицироваться лишь незначительные детали, а представляемые на рынке в целом однородные товары создают впечатление их неоднородности. Такая конкуренция получила название конкуренции замещения.

То, что конкуренция, как принцип экономической координации, не исчерпала себя, подтверждается с точки зрения постиндустриального общества, когда сфера услуг составляет более половины хозяйственной деятельности, где монополизация крайне затруднена.

Общая институциональная модель действует на основе комплекса условий, организующих экономическую деятельность в России. Данная модель функционирует посредством:

- институционального механизма ограничения экономической власти элит, использующей методы внерыночного принуждения, что ограничивает конкуренцию и снижает эффективность;
- создания условий для превращения краткосрочных капиталов в долгосрочные;
- выработки принципов поддержания конкурентоспособности для применения технологических и нетехнологических конкурентных преимуществ.

Реализация этой институциональной модели осуществляется через формируемые нормы и правила, отражающие ограничения – формальные (законодательство, регулирующие правила, вводимые властными структурами, изменения в Конституции) и неформальные (нормы, соглашения, личные стандарты честности).

Общая институциональная модель ставит преграды перерастанию идеи эффективности рыночной экономики в идеологию тотального рыночного общества. Вместе с тем, существование некоторых монополий является неизбежным, поскольку дублирование таких объектов, как трубопровод, линия электропередачи, железнодорожные и автомагистрали или занимающаяся исследованиями клиника, привели бы к неоправданным расходам. Стоимость привлекаемых дополнительно ресурсов превысила бы потенциальную выгоду от наличия конкуренции. В таких ситуациях главную роль играет регулирующий орган, призванный обеспечить то, чтобы данный объект был доступен всем желающим по разумной цене (социальный аспект). Однако

регулирующие органы не вездесущи и не всезнающи. Принадлежащая им самим монополия на власть и так не всегда используется честно. Кроме «провалов» рынка появляются «провалы» политики.

Компенсация так называемых «провалов» рынка и экономической политики. Например, современный рынок России не может обеспечить стабилизацию уровня цен, и без вмешательства государства инфляция будет расти и дальше. Кроме этого, существуют такие отрасли экономики, в которые частный капитал не «идет». Это особенно характерно для России, где становление рынков было связано с получением сверхприбылей для частных компаний (топливно-энергетический комплекс, оптовая и розничная торговля и др.). Никто, кроме государства, не может обеспечить импульс развития инфраструктуры на бескрайних просторах России, фундаментальных исследований, доведения получаемых результатов до уровня коммерческого использования, освоение космоса и т. п. Обеспечить инвестиционный климат в масштабах всей России может только государство путем создания институтов (в пределах отрасли это могут и компании-лидеры) и т. д.

Проведение определенного курса развития. Придать заданную общую направленность экономике рыночный механизм не может. Достаточно вспомнить, к чему пришла стихийная российская экономика к середине 1990-х годов: олигархический раздел рынков, стагнация всех основных отраслей, снижение жизненного уровня, автаркизация регионов и неуправляемость экономики в целом. Сейчас в России утвержден план развития до 2020 г. на инновационной основе.

Самосохранение, защита государства. Как правило, государства не осознают этой цели, но от этого она не исчезает. Функции государства в России состояли на первом этапе, в переходе от командной к рыночной экономике, в создании институтов (структур) по координации деятельности субъектов создаваемых рынков товаров и услуг. Затем наступило время создания условий для формирования конкурентной среды. Государство – социальный институт управления обществом, возникающий в результате консолидации человеческого сообщества, его правил, норм общения, убеждений и верований относительно самих себя и мира. Лучше сказать не институт, а совокупность социальных институтов.

Мы можем сделать вывод о наступлении новой эпохи, характеризующейся четвертым этапом эволюции принципа координации в экономике, осуществляемой конкуренцией. Первый этап представлял собой так называемую «невидимую руку» рыночной координации А. Смита (Великобритания) и выражался в снижении издержек массового производства координируемых рынком вертикально специализированных промышленных предприятий.

Второй этап Альфред Чандлер (1977) назвал зримой рукой иерархической координации, использующей организационные инновации команды менеджеров США.

Третий этап – решение проблемы путем совершенствования внутренней организации фирмы, а не производительности (снижении издержек). Такая позиция противоречит сложившемуся в 1990-е годы в США и Великобритании представлению об экономике, как объекте политики управления спросом центрального правительства.

Мы выделяем четвертый этап, основанный не на получении конкурентных преимуществ путем снижения издержек (первый и второй этапы) или получении стратегических преимуществ путем постоянного усовершенствования производственного процесса и продукта (третий этап), а путем использования системы экономической координации, в которой реализуется механизм согласования интересов бизнеса и целей развития общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад о мировом развитии 2003 года. Устойчивое развитие в меняющемся мире. Преобразование институтов, рост и качество жизни: пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2003. – 280 с.
2. Бест Майкл Х. Новая конкуренция. Институты промышленного развития: пер. с англ. / Майкл Х. Бест. – М.: Теис, 2002. – 356 с.
3. Усик Н.И. Проблемы управления и регулирования в экономике России / Н.И. Усик // Проблемы теории и практики управления. – 2008. – № 12. – С. 53–60.
4. Хэнди Ч. Алчущий дух. За гранью капитализма: поиск цели в современном мире. Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / Ч. Хэнди; под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 166–184.
5. Рих А. Хозяйственная этика / Артур Рих; пер. с нем. Е.М. Довгань; отв. ред., авт. вступ. ст. и коммент. В.В. Сапов. – М.: Посев. Рос. фил., 1996. – 810 с.
6. Осипов Ю.М. Экономика в лучах философии хозяйства / Ю.М. Осипов // Философия хозяйства. – 2003. – № 2. – С. 9 – 42.
7. Ойкен В. Основные принципы экономической политики / Вальтер Ойкен; пер. с нем. Л.А. Козлова, Ю.И. Куколева; общ. редакция Л.И. Цедилина, К. Херрманн-Пиллата; вступ. ст. О.Р. Лациса. – М.: Прогресс, 1995. – 493 с.
8. Японская экономика в преддверии XXI века : (становление конкурент. корпоратив.-гос. капитализма) / [С.В. Брагинский и др.]; АН СССР, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: Наука, 1991. – 405 с.
9. Хайек Фридрих Август фон. Познание, конкуренция и свобода: антология соч. / Фридрих Август фон Хайек; под ред. Д. Антисери, Л. Инфантино. – СПб.: Пневма, 1999. – 287 с.
10. Сакайя Т. Стоимость, создаваемая знанием, Или история будущего / Т. Сакайя // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 361.
11. Друкер П. Эффективное управление: экономические задачи и оптимальные решения: пер. с англ. / Питер Друкер. – М.: Гранд: Фаир-пресс, 2003. – 284 с.

КРЕДИТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ВОСПРОИЗВОДСТВЕННОМ КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ДОЛГА

Ананьев Андрей Александрович

аспирант. Ярославский государственный технический университет,
кафедра экономической теории
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: a31987@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу кредита и кредитных отношений как категории, связывающей проблематику долга и общественного воспроизводства. Автор рассматривает развитие ссудных отношений от ростовщичества эпохи простого товарного хозяйства до современного финансового капитализма. Большое внимание уделяется также раскрытию действующих тенденций, влияющих на дальнейшее преобразование кредитных отношений.

Ключевые слова: проблема долга; кредит; общественное воспроизводство; ростовщический и ссудный капиталы; финансовый капитализм

Код УДК: 336.77.01

Annotation. The presented article is devoted to the analysis of credit and credit relationships as a link between economic problems of debt and social reproduction. The development of lending from usury in the times of simple commodity production to modern financial capitalism is under consideration. Much attention is also paid to the disclosure of current trends which affect further development of credit relationships.

Keywords: problem of the debt; credit; social reproduction; usurious and credit capital; financial capitalism

Исследуя проблему долга в современной экономике, мы сталкиваемся с необходимостью четкого определения области этого исследования. С одной стороны, долг как экономическая категория – объект достаточно узкий и конкретный: он охватывает совокупность отношений по поводу заимствования денежных и материальных ценностей и их возврата. С другой стороны, данные отношения немыслимы вне общественного воспроизводства в его капиталистической форме. Согласно точке зрения классической политэкономии, под воспроизводством мы понимаем постоянное возобновление, непрерывное повторение процесса производства [1, с. 134]. «...Всякий общественный процесс производства, рассматриваемый в постоянной связи и в непрерывном потоке своего возобновления, является в то же время процессом воспроизводства» [2, с. 132].

Рассматривая вопросы общественного воспроизводства как базовую экономическую проблему, нельзя не видеть, что воспроизводство в широком смысле представляет собой процесс, включающий всю цепочку «производство – распределение – обмен – потребление». «Процесс воспроизводства при капитализме включает в себя как непосредственный процесс капиталистического производства, так и капиталистическое обращение. Производимые на капиталистических предприятиях товары должны быть реализованы; реализацией (продажей

товаров) заканчивается кругооборот капитала; реализация же (покупка средств производства и рабочей силы) является исходным пунктом кругооборота капитала» [3, с. 8]. Данный факт также подтверждает необходимость рассмотрения проблем как производства, так и обращения в контексте общественного воспроизводства.

Не является исключением и проблема долга как системы экономических отношений, участвующих в общественном воспроизводстве. Чтобы установить связь долговых отношений с отношениями воспроизводственными, попытаемся раскрыть механизм данного участия.

Образование долговой нагрузки в ходе процесса воспроизводства (в частности, в его расширенной форме) изначально присуще капиталистическому способу хозяйствования. Этот факт обуславливается существованием кредитных отношений, которые, в свою очередь, непосредственно определяются наличием производственных связей общества [4, с. 366]. Таким образом, посредством кредита осуществляется связь общественного воспроизводства и проблемы долга. Перемещая стоимость от одних участников производственных отношений к другим на условиях платы в виде процента, кредит неизбежно генерирует материальные или денежные обязательства заемщика перед займодавцем. Из этого следует, что исследование воспроизводственного контекста проблемы долга целесообразно сконцентрировать именно на рассмотрении категории кредита во всем многообразии входящих в нее экономических отношений.

Современная наука знает множество подходов к определению кредита. Данную категорию можно трактовать в юридическом смысле (как сделку ссуды), в политэкономическом, используя микро- либо макроэкономический подход и т.д. Рассмотрим некоторые существующие определения.

Категория кредита, как известно, имеет свои корни в ростовщическом капитале и связана с функцией денег как средства платежа (в данной функции деньги выступают как способ регистрации долга в денежных единицах). Этот факт позволяет нам дать наиболее лаконичную трактовку данной экономической категории и определить кредит как ссуду в денежной или товарной форме на условиях возвратности, срочности, платности. Подобное определение предлагается, например, в современном отечественном учебнике «Финансы. Денежное обращение. Кредит» под редакцией Г.Б. Поляка [5, с. 362].

Данная трактовка, однако, носит исключительно формальный характер, отражает лишь технико-юридические признаки явления. Она никак не характеризует экономические отношения, возникающие при совершении сделки ссуды, не отражает их роли и места в структуре общественного воспроизводства. В отличие от такой трактовки выдающийся советский исследователь И.А. Трахтенберг определял кредит как производственное отношение, вырастающее и развивающееся на основе сделок ссуды. При этом не сама по себе сделка ссуды характеризует кредит как экономическую категорию – сделка ссуды есть форма товарного обращения – а те производственные связи, которые вырастают на основе этих сделок, или, иначе и точнее, те производственные отношения, формой осуществления которых является сделка ссуды [4, с. 374].

Схожего взгляда придерживается и другой советский экономист, З.В. Атлас. Развивая точку зрения Маркса на кредит, в своей работе «Деньги и кредит (при капитализме и в СССР)» он определяет данную категорию как форму движения ссудного капитала, т.е. форму временного отчуждения денег (или товара), как капитала. Форма эта, по мнению Атласа, выражает собой определенный тип общественных отношений, а именно между капиталистами-собственниками и капиталистами-функционерами, производный от основного капиталистического производственного отношения [6, с. 209].

Определения советских экономистов в достаточной мере выражают абстрактную политэкономическую сущность кредита как производственного отношения. Однако, учитывая поставленную нами задачу найти и обосновать связь категории долга и общественного

воспроизводства, мы вынуждены искать пути конкретизации данного понятия. В качестве первого шага к такой конкретизации целесообразно обратить взгляд на экономическую действительность, а именно на проявления роли кредита в современной экономике.

Так, не вызывает сомнения тот факт, что экономический рост в современной капиталистической хозяйственной системе во многом сопряжен с ростом кредита. На эмпирическом уровне осмысления, подкрепленном соответствующей статистикой, эта связь выглядит следующим образом: рост объемов кредитования соответствует росту ВВП и других макроэкономических показателей, падение кредита – общему падению экономики. То же самое, естественным образом, наблюдается и на уровне отдельных предприятий и фирм. Несмотря на примитивность такого суждения, оно отражает главную черту современного капитализма – его тесную связь с кредитом.

Экономические теория и практика выделяют две основных разновидности кредита – коммерческий и банковский. Первый представляет собой кредит, оказываемый друг другу хозяйствующими субъектами в процессе товарооборота. Данный тип кредитных отношений получил широчайшее развитие в капиталистической системе. Однако, несмотря на его важность, мы склонны согласиться с доводами И.А. Трахтенберга о главенствующей роли второй разновидности: «...коммерческий кредит может получить большое развитие только в том случае, если он опосредствуется и осложняется банкирским кредитом. Капиталистический способ производства требует существования банковской системы, в которой находит свое завершение его кредитная система, играющая исключительно большую роль в движении денежного капитала и осуществляющая движение ссудного капитала» [4, с. 697].

Это утверждение еще более достоверно применительно к современной экономической системе, с ее необеспеченными бумажными деньгами и электронным денежным оборотом. Существование, а возможно и некоторое экстенсивное развитие коммерческого кредита в нем продолжается, но его возможность достигается исключительно существованием самой банковской системы. В свою очередь, ключевая роль финансовых институтов подразумевает и тот факт, что для развития банковского кредита созданы куда более выгодные условия. Эта мысль подтверждается также мнением Е. Ланде, который говорит о замещении коммерческого кредита банковским как о реальной тенденции эволюции кредита [7, с. 45].

В процессе развития современного капиталистического способа воспроизводства возникает и усиливается необходимость концентрации банковской системы. Эта тенденция проявляется на двух уровнях. С одной стороны, возникают мощные органы центральной банковской власти, такие как Федеральная резервная система США и Европейский центральный банк, обладающие полномочиями эмиссии бумажных денег и монетарного регулирования. С другой, частные коммерческие банки также демонстрируют тягу к установлению тесных взаимных связей, которая в XX веке постепенно превратилась в нарастающую монополизацию банковского дела по всему миру. Так, И.А. Трахтенберг во втором издании своего труда «Современный кредит и его организация», датированном 1930 г., констатирует, что в Англии количество доминирующих кредитных учреждений сводится к 5 банкам, в Германии – к 6-7, в США – не более 25 банков [4, с. 348]. Экономист совершенно справедливо воспринимает такую тенденцию как разительную и доведенную до крайности. Однако, современный капиталистический мир ушел гораздо дальше в данном направлении. Так, после пика глобального экономического кризиса в 2009 г. банковская система США насчитывает всего три господствующих банка, которым принадлежит львиная доля не только кредитно-финансового бизнеса, но и промышленности: Citibank, Goldman Sachs и JPMorgan Chase. Позиции четвертого крупнейшего игрока на этом рынке – Bank of America – весьма неустойчивы, а пятый – Lehman Brothers – объявил о своем банкротстве 15 сентября 2008 года.

Концентрация банковской системы, опять же, не происходит сама по себе, а сопутствует

концентрации производства. Здесь, несмотря на очевидную вторичность кредитных институтов по отношению к производственным отношениям, банки зачастую превращаются из простых посредников в координаторов рыночного процесса.

«Таким образом, банковская система оказывается тесно переплетена с процессами производства и воспроизводства капитала. Банковский кредит является существенной частью воспроизводственного процесса. Не будет преувеличением сказать, что без банков и банковского кредита капиталистическое воспроизводство не могло бы получить серьезного развития», – пишет И.А. Трахтенберг [там же, с. 699]. Мы можем лишь добавить, что на современном этапе развития экономики данная связь, вычлененная советским экономистом еще в начале прошлого века, предстает все более отчетливо.

Итак, важнейшей тенденцией существования категории кредита в контексте общественного воспроизводства мы видим глубокое проникновение его в производственные отношения, нарастающую взаимосвязь данных двух категорий экономической жизни. Основной формой данного процесса выступает взаимопроникновение кредитного и производственного капиталов. При этом банковский капитал постепенно начинает играть главенствующую роль, но и обратная связь также сохраняется.

Однако более внимательный взгляд на рассматриваемую проблему дает понять, что данная закономерность не является единственной. Параллельно с ней прослеживается и тенденция к отчуждению кредитных отношений от воспроизводственного базиса экономики. Для иллюстрации этой мысли мы обратимся к более далекой истории категории кредита, нежели эпоха капитализма.

Как мы уже упоминали, исторически предшественником кредита выступал ростовщический капитал – капитал, приносящий проценты в условиях докапиталистических формаций и предоставлявшийся в ссуду мелким производителям – крестьянам и ремесленникам, а также знатым расточителям – рабовладельцам и феодалам [8, с. 23]. Ростовщичество, таким образом – один из древнейших видов деятельности человека. Оно возникло в условиях разложения первобытнообщинного общества, и было типично для рабовладельческого и феодального строя. Ростовщический капитал, таким образом, существовал так или иначе еще до изобретения денег, его формы постоянно совершенствовались и видоизменялись по мере того, как росла и развивалась человеческая цивилизация.

В современной экономической литературе, как популярной, так и научной, термин «ростовщичество» зачастую носит весьма негативный характер. Такое восприятие обусловлено объективными причинами: история человечества знает множество примеров негативного влияния ростовщического капитала на общественное производство и благосостояние людей. Отрицательное отношение к ростовщичеству и ростовщикам закреплено и во многих мировых религиях. Помимо всем известного негативного отношения к ссудному проценту и ростовщичеству в исламской традиции, необходимо напомнить, что христианство на протяжении многих веков также осуждало и запрещало денежные ссуды. Весьма показательным здесь является эпизод из Нового Завета, в котором Иисус изгоняет меновщиков денег их Иерусалимского храма (в Римской империи некоторые храмы выполняли функции банков; в частности, Иерусалимский храм являлся одним из наиболее важных и влиятельных депозитных учреждений, в котором еврейские аристократы и землевладельцы хранили свои сбережения) [9, с. 15]. Резко негативное отношение к ростовщичеству со стороны религиозных институтов нельзя объяснить лишь предрассудками. По всей видимости, люди в то время воочию наблюдали и осознавали то разрушительное воздействие, которое оказывает безудержный рост процентной ставки на социальные механизмы. Являясь наиболее влиятельным общественным институтом того времени, церковь взяла на себя ответственность по ограничению этого негативного влияния, что вылилось в соответствующие религиозные догматы.

Постепенно канонический запрет на ростовщичество соблюдался все менее строго и видоизменялся под воздействием хозяйственных реалий в тот или иной временной период. В результате, влияние церкви в данной сфере общественных отношений практически сошло на «нет». Это привело к восстановлению влияния ростовщического капитала на производственные отношения и производственную структуру общества. По некоторым данным, эпоха Нового Времени отличалась крайней хаотичностью финансовых отношений. Безудержное развитие банковского дела зачастую приводило к тому, что мы сейчас называем финансовыми кризисами – банковские учреждения не выполняли свои обязательства, что вело к отсутствию доверия среди участников кредитных отношений, банкротствам и прочим характерным особенностям дефляционного сжатия. Картина дополнялась произволом государственной власти, активно использующей практику конфискации вкладов. Примером может служить конфискация Карлом V драгоценных металлов севильского «Торгового дома» в 1545 году [10, с. 65]. Опустевшая казна заставила правителя пренебречь принципами права и пополнять государственные резервы любыми доступными способами.

Переход к капиталистическому способу воспроизводства инициировал значительные преобразования существующих экономических отношений, в том числе и в финансовой сфере. Результатом этих преобразований явилось то, что ростовщический капитал был преобразован в современные кредитные отношения. В определенном смысле разница между категориями ростовщического капитала и кредита весьма условна, однако исследователи выделяют ряд отличий. Рассмотрим некоторые из них.

Принято считать, что современное кредитование отличается от ростовщичества, в первую очередь, размером ставки ссудного процента. На практике, однако, выясняется, что грань провести довольно сложно. Согласно данным Большой Советской Энциклопедии, уровень процента колебался в различных странах и даже между городами и районами внутри одной страны в очень широких пределах – от нескольких десятков до сотен процентов годовых. Так, в Древней Греции известны случаи ростовщических ссуд с уплатой 48% в месяц (свыше 570% годовых). В средние века феодальная знать, например, уплачивала за ссуды от 30 до 100% годовых [11]. Для современных кредитных отношений, как правило, характерны значительно меньшие величины процента – до 20-30% годовых. Абсолютные величины, однако, не слишком показательны – в отдельных странах и в отдельные временные периоды (войны, кризисы, гиперинфляция и т.д.) банковский процент достигал величин в сотни процентов и в новейшей истории. Не нужно далеко ходить за примерами – достаточно вспомнить ситуацию в России на протяжении всех девяностых годов, когда ставки по кредитам могли дать фору ростовщическим ссудам древних времен. Более уместно будет отнести величину процента к прибавочному продукту (прибыли). Ссудный процент при капиталистическом кредите сводится лишь к части средней прибыли, тогда как при ростовщическом он мог поглощать весь прибавочный продукт и даже часть необходимого. То есть, например, крайне высокий ссудный процент на фоне гиперинфляции целесообразно отнести к кредитным отношениям, а не к ростовщичеству, поскольку величина процента обусловлена сложившейся конъюнктурой – обесценением валюты и пр.

Таким образом, мы переходим от формального отличия, такого как размер ставки процента, к более глубокому. Так, в основе кредита и ростовщичества лежат идентичные общественные отношения – отношения по поводу денежной либо товарной ссуды. Однако в отличие от кредита, ростовщический капитал являлся капиталом только для ростовщика; в руках заемщика он не был капиталом. В связи с тем, что у ростовщика концентрировались денежные богатства, он диктовал условия заемщику, чрезвычайно нуждавшемуся в ссуде (как правило, в этой роли оказывались определенные категории населения, такие, например, как крестьяне и ремесленники). Этим и обуславливаются огромные величины, которых достигал ссудный процент. Ростовщики ущемляли интересы мелких производителей не только путем предоставления ссудного капитала

непосредственно им, но и косвенно – через свои отношения с рабовладельцами и феодалами. Для того чтобы расплатиться с ростовщиком, они вынуждены были постоянно усиливать эксплуатацию рабочих и крестьян. В случаях же, когда и это не позволяло выплатить долг, источником ростовщического процента, как уже упоминалось, зачастую становился не только прибавочный продукт, но нередко часть необходимого продукта и даже средств производства и прочего имущества должника. В современных отношениях кредитора и должника действуют определенные обычаи и правовые нормы, нивелирующие ярко выраженное негативное воздействие ссудного капитала, имевшее место при ростовщичестве.

Это связано и с еще одним важным отличием современного кредита – его институционализацией. Начиная с античного периода, ростовщичество постепенно загонялось в жесткие правовые и организационные рамки. При переходе к капитализму перед промышленным капиталом встала задача подчинить себе капитал, приносящий проценты, с тем, чтобы понизить ссудный процент и, таким образом, создать возможность регулярного пользования кредитом для целей производства и обращения. Эта борьба крепнущего промышленного капитала выражалась в законодательном понижении ссудного процента и, что особенно важно, в образовании банков. Ярким историческим примером в этом отношении может служить создание в 1694 г. Английского банка. Вместо 20-30%, взимавшихся ростовщиками, Английский банк получал всего 8%, что составило лишь часть (и притом меньшую) средней прибыли фабрикантов [8, с. 24].

И все же наиболее существенные отличия в функционировании капиталов ссудного (кредитного) и ростовщического лежат в их взаимоотношениях с общественным воспроизводством. И тот, и другой являются приносящим проценты капиталом, однако первый функционирует в условиях простого товарного хозяйства, второй – в условиях хозяйства капиталистического. И.А. Трахтенберг указывает, что ссудный капитал в своих истоках имеет слияние следующих форм капитала: торговли деньгами, ростовщического капитала, денежно-торгового капитала [4, с. 460]. Взаимопроникновение этих трех аспектов явилось основой возникновения кредитного капитала как одной из важнейших характеристик капиталистического воспроизводства.

Таким образом, следует признать, что отличия современного кредита и ростовщического капитала лежат вовсе не в сущности этих явлений, которая остается неизменной – и то, и другое является капиталом, приносящим проценты. Различия этих двух категорий имеют место скорее в плане условий осуществления экономических отношений, характера субъектов этих отношений.

«Отличие капитала, – пишет Маркс, – приносящего проценты, поскольку он образует существенный элемент капиталистического способа производства, от ростовщического капитала отнюдь не лежит в самой природе или характере этого капитала. Различие это создают лишь изменившиеся условия его функционирования и обусловленный ими совершенно новый облик заемщика, противостоящего денежному кредитору. Даже человеку без средств предоставляют кредит как промышленнику или купцу, однако только в том случае, если есть уверенность, что он будет функционировать как капиталист, будет присваивать при помощи заемного капитала неоплаченный труд» [2, с. 374].

По итогам анализа ростовщического и кредитного капиталов различий данных категорий мы можем лишь согласиться с мыслью классика – действительно, данные категории не несут глубинных различий между собой. Разница заключается преимущественно в институциональных условиях существования капитала, приносящего проценты; сама же сущность явления остается неизменной. И если согласиться с мнением, что ростовщичество «...присасывается к [современному ему способу производства] и доводит его до жалкого состояния... высасывает его, истощает и приводит к тому, что воспроизводство осуществляется при все более скверных условиях», то мы не можем и отрицать возможности аналогичного отрицательного кредитного капитала на общественное воспроизводство [12, с. 558].

Сама экономическая действительность все чаще предоставляет нам доказательства того, что капитализму так и не удалось полностью подчинить кредит интересам общественного воспроизводства, очистив его от всех негативных черт, присущих ростовщическим отношениям. Все новые и новые проблемы, порождаемые ссудным капиталом, говорят о том, что эволюция института кредитования далеко не шла плавно и строго в нужном направлении. Постоянно нарастающие проблемы мировой экономики именно в денежно-кредитной сфере свидетельствуют о том, что выбранный путь во многом неверен, и постепенно начинают вскрывать фундаментальные пороки существующей системы, которые долгое время были скрыты и не проявляли себя очевидным образом.

В нынешнюю эпоху финансового капитализма развитие кредита достигает порой самых причудливых и нелепых форм. «Кредитные отношения, – пишет И.А. Трахтенберг, – получают законченное оформление, достигают максимального своего развития и, будучи обусловлены основными производственными связями капитализма (кредит – производная категория), обнаруживают тенденцию к подчинению закономерностям своего развития других форм социальных связей, когда общественные отношения капитала, зиждущиеся на эксплуатации рабочей силы и присвоении продуктов чужого труда, принимают иррациональную форму отношений ссудного капитала, в которых присвоение прибавочной стоимости покрывается фактом самовозрастания стоимости, происходящего как будто независимо от эксплуатации рабочей силы, когда чудовищные вычисления доктора Прайса начинают принимать реальные очертания. Все это является в сущности признаком роста паразитических элементов экономической системы, но этот реальный паразитизм питает иллюзорные идеи и создает ряд фикций, которые кажутся действительно существующими...» [4, с. 359].

Несмотря на то, что строкам советского экономиста уже не один десяток лет, их актуальность не только не убавилась, но и, напротив, значительно возросла. В наше время развитие финансовых отношений, основанных на кредите, по всей видимости, достигает своего апогея: процесс развития разнообразных ссудных инструментов, ценных бумаг, деривативов, стартовавший еще в начале прошлого века на заре финансового капитализма, подходит к своему логическому завершению в том виде, в каком мы его знаем. Абсолютизация денежно-кредитной сферы как стержня экономического регулирования, начавшаяся с монетаристской контрреволюции, привела, в конце концов, к гипертрофированности финансовой системы, ее полной оторванности от реальной экономики. На каком-то этапе кредитные отношения окончательно перестали обслуживать интересы реального сектора. Об этом свидетельствует появление таких бессмысленных финансовых инструментов, как, например, свопы на дефолты по кредитам¹.

Таким образом, мы можем констатировать существование еще одной закономерности развития современного капиталистического кредита – тенденцию к его отрыву от воспроизводственного базиса. Ниже представлена схема диалектического развития данной категории (рис. 1).

¹ Credit default swap (CDS) – договор страховки от дефолта, схожий с банковской гарантией. Согласно этому финансовому договору лицо, которое получает защиту (покупатель кредитной защиты) платит определенную сумму (премию) в обмен на право получить обусловленный платеж в случае наступления обстоятельства, которое имеет кредитное значение. Дефолтный своп является кредитным деривативом, т.е. договором, который произведен от названного в нем права требования. Обычно банк (покупатель защиты) является кредитором по названному в дефолтном свопе требованию. Идеей создания CDS являлась возможность предоставить защиту от потерь, которые могут возникнуть в случае неисполнения должником своего обязательства. Однако, как выяснилось в процессе развития мирового финансового кризиса, в случае реального наступления банкротства по ряду контрактов, страховщики – продавцы данных контрактов по существу не в состоянии выполнить даже долю требований, поскольку рынок кредитных дефолтных свопов давно превратился в очередной «мыльный пузырь». Отсутствие каких-либо институциональных и правовых основ гарантии выполнения обязательств в очередной раз привело к тому, что данный финансовый инструмент полностью оторвался от реальности, оказавшись уделом финансовых спекулянтов.

Рис. 1. Схема диалектического развития категории кредита в контексте общественного воспроизводства

Наличие двух противоположных тенденций не является чем-то необычным; напротив, это нормальная схема диалектического развития в соответствии с законом единства и борьбы противоположностей. Наличие диалектического противоречия обуславливает динамичное изменение форм кредитных отношений в современном капитализме.

Данная нами в настоящей статье характеристика категории кредита позволяет выявить и место непосредственно категории долга в контексте воспроизводственных отношений. Обе категории являются неотъемлемыми элементами капиталистического способа производства. Функционирование кредитных механизмов естественным образом генерирует долг – отдельный пласт экономических отношений, приобретающий колоссальное значение в современных условиях хозяйствования. Так же, как и кредит, долговые обязательства не только присущи нормальному развитию капитализма, но и способны нарушать его благодаря наличию как внутренних противоречий, так и связанных с общественным воспроизводством. Нахождение качественного и количественного выражения той границы, которая отделяет эффективный долг, стимулирующий производство, и долг чрезмерный, обременительный, является сложной теоретической задачей, которая будет решаться нами в дальнейших исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Островитянов К.В. Политическая экономия: учебник / К.В. Островитянов; Акад. наук СССР, Ин-т экономики. – М.: Госполитиздат, 1955. – 640 с.
2. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии: [перевод] / Карл Маркс; [предисл. Ф. Энгельса]. – М.: Политиздат, 1983. – Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. – VI, 905 с.

3. Трахтенберг И.А. Капиталистическое воспроизводство и экономические кризисы: (очерк теории) / И.А. Трахтенберг. – М.: Госполитиздат, 1954. – 200 с.
4. Трахтенберг И.А. Денежное обращение и кредит при капитализме / И.А. Трахтенберг; Акад. наук СССР, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 780 с.
5. Финансы. Денежное обращение. Кредит: учеб. для вузов / Г.Б. Поляк [и др.]; под ред. Г.Б. Поляка. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 511 с.
6. Атлас З.В. Деньги и кредит (при капитализме и в СССР): в 2 ч. Ч. 1. Теория денег. Денежные системы капитализма. Денежная система СССР; Ч. 2. Теория кредита и банков. Банковые системы капитализма. Банковая система СССР / З. В. Атлас. – Л.-М.: Гос. изд-во, тип. «Красный пролетарий» в Мск., 1930. – 459 с.
7. Ланде Е.З. Кредит и конъюнктура / Е.З. Ланде; предисл. И. Трахтенберга. – М.: Издательство Коммунистической Академии, 1930. – 147 с.
8. Бортник М.Ю. Денежное обращение и кредит капиталистических стран: [учеб. пособие для экон. вузов и фак.] / М.Ю. Бортник. – М.: Финансы, 1967. – 323 с.
9. Ростовцев М. Общество и хозяйство в Римской империи *Gesellschaft und Wirtschaft im Römischen Kaiserreich*: [в 2 т.]. Т. 2: пер. с нем. / Михаил Ростовцев; [предисловие А.Я. Тыжова]. – Санкт-Петербург: Наука, Санкт-Петербургская издательская фирма, 2000 – 444 с.
10. Хесус Уэрта де Сото. Деньги, банковский кредит и экономические циклы: [пер. с англ.] / Хесус Уэрта де Сото. – Челябинск : Социум, 2008. – 661 с.
11. Большая Советская Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com>. – Дата доступа: 08.04.2011

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ ТЕРЕНТЬЕВА М.А. ДИАЛЕКТИКА СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО УКЛАДА ВСЕМИРНОГО ХОЗЯЙСТВА

Фомина Эльвира Георгиевна

кандидат экономических наук, доцент. Ярославский государственный технический университет,
кафедра экономической теории
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: info@ystu.ru

В монографии М.А. Терентьева представлена современная интерпретация теории экономических укладов. Используя диалектику как наиболее эффективный способ научного исследования, автор монографии добивается значительных теоретических результатов. Во-первых, он определяет не только содержание понятия «социалистический уклад» (с характеристикой всех категорий, относящихся к этому укладу), но и систему внутренних и внешних форм социалистических производственных отношений. Во-вторых, он проводит концептуальный анализ изменения содержания тех категорий, которые являются традиционным объектом политэкономического исследования. Речь идет о стоимости, цене, издержках производства, заработной плате и т.п. Автор убедительно показывает процесс превращения стоимости в непосредственно общественные издержки социалистического производства, а цены – во внешнюю форму издержек. Превращение товара в непосредственно общественный продукт как результат отрицания рыночного обмена рассматривается в монографии в качестве основополагающего процесса формирования нерыночной экономики. В то же время рудименты рынка относятся к специфике социалистического уклада, сохраняющего несколько внешних (превращенных) форм товарно-денежных отношений¹.

Как известно, изменение экономических отношений требует замены категориального аппарата, введения в научный оборот новых понятий и даже в некоторых случаях отказа от использования устаревших элементов понятийной системы. Автор монографии широко использует понятия, разработанные в теории непосредственно общественного производства, для описания трансформационных процессов в экономических укладах.

В монографии рассматривается ряд фундаментальных проблем теории социализма, в том числе – проблема создания адекватной технической базы социалистического уклада, проблема развития планомерности как имманентной формы существования социалистической экономики.

¹ Терентьев М.А. Диалектика содержания и формы социалистического уклада всемирного хозяйства [Текст] / М.А. Терентьев : монография. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. – 331с.

Особое внимание автор уделяет изменению характера труда при социализме. Ликвидация системы частного найма (и, соответственно, рынка труда) изменяет способ соединения рабочей силы со средствами производства. Формальное и реальное подчинение труда капиталу, универсальная зависимость наемного работника от покупателя его рабочей силы («наемное рабство», по выражению К.Маркса) полностью исчезают, рабочая сила и труд приобретают непосредственно общественный характер, кардинально меняются экономические интересы, мотивация и менталитет работника.

Следует подчеркнуть, что в монографии вполне достаточное внимание уделяется и капиталистическому укладу, и периоду перехода от капитализма к социализму, при этом теория переходного периода иллюстрируется данными советской экономической истории.

Характеризуя современное состояние всемирного хозяйства, автор не мог не учитывать новых реалий в существовании капитализма: растущего дефицита экономических ресурсов, усиления экономических кризисов, которые играют роль пускового механизма в процессе саморазрушения рыночной экономики. Такая ситуация в мировой экономике приводит к необходимости изучать опыт и потенциальные возможности решения мировых экономических проблем путем использования социалистических форм хозяйствования.

Исчезновение социалистической системы привело к сокращению исследований общественной собственности, планомерного развития производительных сил, экономики нерыночного типа. Вполне возможно, что наступило время продолжить исследования социалистических форм хозяйствования в традициях советской экономической науки. Рецензируемая работа М.А. Терентьева, по моему мнению, полностью соответствует этим традициям.

КРАТКИЙ ОЧЕРК НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.И. ПЕФТИЕВА (РЕТРОСПЕКЦИЯ)

Фомина Эльвира Георгиевна

кандидат экономических наук, доцент. Ярославский государственный технический университет,
кафедра экономической теории
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: info@ystu.ru

Научная деятельность В.И. Певфтиева началась в 60-е годы прошлого века. Молодого ученого интересовала проблематика международных экономических отношений, и в первую очередь – господство французского капитала в регионе Тропической Африки. Экономика французских колоний (Гвинея, Сенегал, Берег Слоновой Кости, Камерун и др.) изучались им в ретроспективном и перспективном аспектах, начиная с доколониального периода африканской истории и кончая возможностями развития при освобождении от власти метрополии.

В.И. Певфтиев на примере французского колониального империализма исследовал эволюцию колониализма в неоколониализм, превращение колоний в систему развивающихся стран (так называемый «третий мир»), развитие их отношений со странами социализма и, наконец, кризис неоколониализма. При этом ему удалось внести свой вклад в анализ категории «способ производства», предложив новую трактовку ее сущности и содержания.

«Африканская тема» и, соответственно, проблема экономического развития освободившихся стран в научной работе В.И. Певфтиева занимала большое место вплоть до начала 90-х годов. Многочисленные публикации были посвящены аграрным отношениям в странах Африки, в том числе проблеме земельной ренты в доколониальный период. Становление капитализма в африканских странах рассматривалось с позиций анализа отношений в сельском хозяйстве. Логика исследования привела В.И. Певфтиева к разработке концепции добуржуазных обществ Востока.

Следует заметить, что В.И. Певфтиев в 60 – 80-е годы не ограничивался «африканской проблематикой». В круг его научных интересов входили актуальные проблемы политической экономии социализма: специфика общественного труда в социалистическом обществе, разделение и обобществление труда, воспроизводство рабочей силы, особенности товарно-денежных отношений в социалистической экономике, интеграционные процессы в мировой системе социализма.

В период реставрации капитализма в России количество научных проблем, требующих глубокого и всестороннего изучения, многократно возросло. Экономисты занялись анализом трансформационного процесса, генезиса частной собственности и бизнеса, рыночной конъюнктуры, конкуренции. Многие предлагали вести исследования в формате «новой парадигмы политической экономии».

В свете «новой парадигмы» В.И. Певфтиев начал изучать актуальные проблемы современной России. В первую очередь его интересовал процесс реформирования экономики, его цели, первые результаты, прогнозируемые последствия. Первые признаки деградации реального сектора российской экономики привели к активизации научной мысли В.И. Певфтиева в новом направлении – в разработке концепции выживаемости предприятий, их адаптации к новым экономическим условиям, использования зарубежного хозяйственного опыта, основных параметров устойчивости социально-экономического развития.

Макроэкономические проблемы, возникшие в девяностые годы, нашли свое отражение в новых оригинальных трудах: Пефтиев В.И. Парадоксы экономического поведения: инфляция и ее действующие лица – Ярославль: Верхнее-Волжское книжное издательство, 1993 и Пефтиев В.И. Прорыв к рыночной цивилизации: Россия и мировое сообщество – Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 1995.

Многочисленные публикации последних двух десятилетий свидетельствуют о своеобразной диверсификации научных интересов В.И. Пефтиева. Он пишет о проблемах малого бизнеса, деятельности современных холдингов, государственной поддержке предпринимательской деятельности, организации корпоративного управления, валютных проблемах, инновационных процессах, деформации экономических циклов и многом другом. Особое внимание он уделяет вопросу о месте и роли России в мировой экономике.

Но главной, ведущей темой научной деятельности В.И. Пефтиева всегда была и до сих пор остается проблема развития международных экономических отношений, которые эволюционируют от биполярного к мультиполярному состоянию и находятся под влиянием двух противоположных мировых тенденций – к глобализации и регионализации.

В последние годы у В.И. Пефтиева появилось несколько замечательных работ по истории русской экономической мысли. Поскольку научная и педагогическая деятельность профессора Пефтиева в течение нескольких десятилетий связана с Ярославским педагогическим университетом имени К.Д. Ушинского, он считает своим долгом дать современную оценку философским и экономическим идеям великого педагога и мыслителя. Пять лет назад вышла в свет его книга Пефтиев В.И. К.Д. Ушинский – российский энциклопедист 19 века – Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2006.

В.И. Пефтиев высоко оценивает научное наследие не только известных ученых (например, М.И. Туган-Барановского и П.Б. Струве), но и забытых экономистов и философов, чьи идеи могут оказаться актуальными и полезными в наше время. Им посвящена новая книга исследователя Пефтиев В.И. Забытые экономисты 19 века: очерки – Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2008.

Ретроспективный обзор научной деятельности В.И. Пефтиева дает возможность сделать вывод о том, что он является не только талантливым ученым, но и блестящим эрудитом, публицистом и популяризатором экономических знаний. Он в свои 75 лет полон творческих сил и продолжает работу над новыми книгами.

ОБСУЖДЕНИЕ СМЫСЛОВ РАЗВИТИЯ НА РОДИНЕ ПЕРВОГО СОВЕТА

21 марта 2011 г.

г. Иваново

Подведены итоги состоявшегося 16-18 марта 2011 года в Доме Национальностей города Международного научного форума «Смыслы начала третьего тысячелетия. Исправление имен».

Иваново выступило в качестве центра дискуссии имеющей не только общероссийское, но, по мнению ряда участников, и международное значение. Ивановская земля, в этом смысле, в очередной раз подтвердила свой статус новатора в осмыслении готовящихся в обществе перемен. В работе Форума приняли участие не только представители научного и делового сообщества различных регионов России (Москвы, Новороссийска, Владимира, Ярославля, Нижнего Новгорода, Кирова), стран СНГ, но также и Германии, Сербии.

Организаторы Форума – Центр общественных наук МГУ им. М.В. Ломоносова, Академия Философии Хозяйства, Шуйский государственный педагогический университет, Российский центр социальных исследований и просвещения им. С.Н. Булгакова, Институт Развития, Изучения Здоровья и Адаптации Человека (г. Иваново), Институт системных экономико-психологических исследований (г. Иваново) при поддержке комитета по взаимодействию с институтами гражданского общества Ивановской областной Думы и Департамента внутренней политики Ивановской области.

Несмотря на естественное отсутствие единой генеральной линии в современных социальных науках, ученые сходятся во мнении, что в основе организации общества лежит его традиционная культура, которая, в свою очередь, определяется религиозной нормой.

Полноценная и гармоничная организация общественной жизни, равно как государственное управление, без ясного понимания общих социальных, нравственных и духовных категорий (понятий, имен) невозможна. Что стоит за понятиями демократия, развитие, инновации, элита, экономическая рациональность, нравственность, духовность? Участники Форума предложили подготовить и издать работу, содержащую новый конвенциональный словарь ключевых социально-экономических понятий (тезаурус), «очищенный» от умышленных искажений и непрофессиональных заблуждений, которыми мы обычно оперируем, описывая нашу экономическую, социальную и политическую действительность.

Ивановскими учеными предложены практические следствия теоретических разработок – создание для населения условий, позволяющих институтам гражданского общества принять на себя адекватную часть ответственности через механизм социального договора с депутатом, повысить мотивацию всех участников процессов хозяйствования за счет введения института системной собственности, резкого повышения социального статуса женщины и гармонизации семьи, стимулирование предпринимателей к социально ответственной организации дела за счет прозрачной системы общественной оценки их деятельности.

Одна из актуальных категорий позитивных перемен – ответственность каждого гражданина, но первоочередно – образованного, научного сообщества не только за критическое, но и за

конструктивное осмысление социальной действительности.

В рамках Форума в режиме телеконференции с участием представителей науки СНГ, Германии, Сербии и ряда региональных научных центров России, прошел круглый стол «Факторы европейской и российской культуры в выявлении и реализации смыслов глобального развития начала третьего тысячелетия». Его вывод – сегодня волна пассионарности идет с Востока. Уже не Запад, а Восток диктует свою волю мировым тенденциям. Если занять пассивную позицию – нам придется покориться социально-культурным процессам, идущим без нашего влияния. В этом положении абсолютно недопустимо сохранять ситуацию когда «Смыслы» – основные инструменты научного и политического анализа затерты или искажены. Общество, неспособное сформулировать смыслы своего развития, перестает существовать, так как вынуждено подчиниться культурам, ясно осмысляющим свое будущее, и, как следствие, целенаправленно реализующим свою социальную волю. Ответственность за актуализацию смыслов развития, как всегда в истории, так и в современном обществе, первоочередно лежит не на власти, а на научном сообществе.

В рамках Форума прошла презентация трех книг участников Форума, вызвавших интерес не только у специалистов. Это двухтомная антология, построенная в форме интервью с авторами наиболее значительных современных философских работ «Кто сегодня делает философию в России» (составитель А. Нилогов). Вторая – учебник «Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства», автор которой А. Олейников, назвал его антилиберальным манифестом. Третья книга «Реквием» или роман о романе» – философский роман, написанный президентом Академии философии хозяйства в стиле метафизической прозы.

Видео материалы Форума и тексты выступления участников будут опубликованы на <http://bulgakov-center.livejournal.com/> и на сайте Института системных экономико-психологических исследований (<http://исэпи.рф>).

Контактная информация:

Е.В. Шелкопляс (evs-optimium@mail.ru),

С.С. Мишуров (mishurov@dsn.ru)